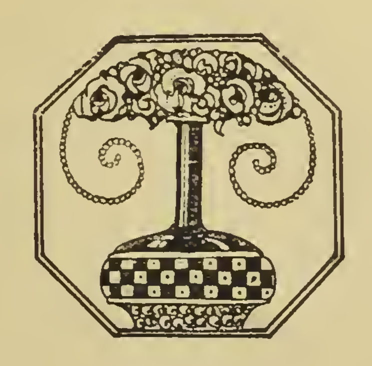
Kogan, Petr Semenovich

Bi͡elinskiĭ

П. КОГАНЪ

БѢЛИНСКІЙ

ЖИЗНЬ ЕСТЬ ДѢЙСТВОВАНІЕ,
А ДѢЙСТВОВАНІЕ ЕСТЬ БОРЬБА

К-ВО „ЗАРЯ“

П. Коганъ.

БѢЛИНСКІЙ.

Книгоиздательство „ЗАРЯ“.
Москва—1911.

Типографія «Общественная Польза», ул. 3-й Ямской, д. 34/35.

I.

Рѣдкія поминки представляются намъ столь поучительными, какъ столѣтняя годовщина со дня рожденія Бѣлинскаго. Немногіе писатели прошли путь, который и черезъ десятки лѣтъ есть еще путь настоящаго, а не прошлаго. Правда, многое, что казалось сомнительнымъ и спорнымъ въ дни Бѣлинскаго, теперь уже не составляетъ вопроса для передовой части русскаго общества. И Бѣлинскому, больше чѣмъ кому-нибудь, обязано оно тѣмъ, что пріобщилось къ сферѣ общечеловѣческихъ идеаловъ, что прояснились цѣли и задачи, возникшія передъ русской интеллигенціей. Безъ преувеличенія можно сказать, что эта интеллигенція въ цѣломъ, если не считать отдѣльныхъ уклоненій, уже болѣе полувѣка сознательно стремится къ идеаламъ, завѣщаннымъ Бѣлинскимъ, къ тѣмъ идеаламъ, которые онъ впервые добылъ въ результатѣ своей кратковременной многострадальной жизни. Его общественная злоба разбила русское общество на

1*

лагери и разставила на враждебныя позиціи тѣхъ, кто считали себя соратниками. Онъ отдѣлилъ свѣтъ отъ тьмы и далъ рельефныя формы и яркіе контуры безформеннымъ чаяніямъ, рѣявшимъ въ хаосѣ русской общественной мысли. Свѣтлыя и темныя силы сталкивались въ этомъ хаосѣ, не распознавали другъ друга, нерѣдко дружески сплетались въ неестественныя группы, образуя нелѣпыя и уродливыя сочетанія. Только такой придирчивый и неподкупный судья, какъ Бѣлинскій, сумѣлъ вывести наружу самыя затаенныя мысли и чаянія отдѣльныхъ группъ, разсказать имъ самимъ ихъ душу, указать на неизбѣжность борьбы тамъ, гдѣ не могло быть примиренія, сблизить тѣхъ, кто были соратниками по духу и врагами по недоразумѣнію. Послѣ Бѣлинскаго изъ хаоса, въ которомъ до него пребывала русская общественная мысль, стали выдѣляться ясныя очертанія двухъ главныхъ силъ, вступившихъ между собою въ ожесточенную борьбу. Послѣ него граница была рѣзко проведена. На одной сторонѣ стояла передовая оппозиціонная Россія, на другой—защитники тьмы. Не могло быть примиренія между ними. Русское общество сознало себя таковымъ и пошло своимъ самостоятельнымъ путемъ. Правительство объявило непримиримую войну обществу. Правительство и общество,

между которыми никогда не было единства, стали теперь не только борющимися силами, но и борющимися идеологіями. Кратковременная литературная дѣятельность Бѣлинскаго была бурнымъ идейнымъ вихремъ, который снесъ все непрочное. Чтобы устоять противъ этого натиска, нужно было призвать на помощь весь запасъ силъ. И правительство и общество сдѣлали высшее идейное усиліе для обоснованія стоявшихъ за ними интересовъ. Послѣ Бѣлинскаго русская литература до нашихъ дней высоко держитъ знамя общественнаго служенія. Вплоть до нашихъ дней самое званіе писателя остается чѣмъ-то чуждымъ и даже враждебнымъ для правящихъ классовъ, и рѣдкій изъ лучшихъ нашихъ писателей избѣгъ Сибири, тюрьмы и жестокихъ преслѣдованій. Послѣ Бѣлинскаго въ глазахъ русскаго общества писатель сталъ прежде всего печальникомъ и защитникомъ народа, поборникомъ передовыхъ идеаловъ

Казалось бы, что эта поучительная жизнь можетъ уже стать достояніемъ исторіи, что ея завоеванія уже сдѣлались органическимъ элементомъ нашего идейнаго богатства. Казалось бы, что мы можемъ не повторять заблужденій и колебаній великаго и искренняго ума и принять добытые имъ результаты, какъ наше законное наслѣдство. И тѣмъ болѣе удивительно, что въ этомъ отношеніи

мы ничему не научились. Если цѣли теперь безспорны въ глазахъ русскаго передового общества, то спорными остаются пути, ведущіе къ нимъ. Мы усвоили идеалы, завѣщанные великимъ страстотерпцемъ русской литературы. Какъ ни различны современныя идеологіи, Бѣлинскій остается ихъ общимъ источникомъ. Но мы желаемъ провѣрить на собственномъ опытѣ изжитое, снова пережить уже пережитую драму, хотимъ повторить безплодную попытку, пройти уже пройденный путь, чтобы въ итогѣ прійти къ тѣмъ же результатамъ. Бѣлинскій выступилъ съ нетерпѣливой жаждой истины. Его душа не искала, а требовала гармоніи. Его пламенная мысль не могла отдаться медленной кропотливой работѣ устроенія общества. И въ поискахъ этой гармоніи, въ страстномъ стремленіи отыскать единство всего видимаго, усмотрѣть цѣлесообразность въ мірѣ, въ которомъ не было ни гармоніи, ни единства, ни цѣлесообразности, онъ упорно закрылъ глаза на всѣ темныя стороны дѣйствительности, старался не видѣть того, что разбивало иллюзію, хотѣлъ могучимъ усиліемъ мысли спаять въ одно цѣлое прекрасный идеалъ и отвратительную дѣйствительность. И дѣйствительность жестоко отмстила за это пренебреженіе къ ней. Она напоминала о себѣ, вторгалась въ міръ мечты, разбивала

иллюзіи, издѣвалась надъ метафизическими построеніями и въ концѣ-концовъ приковала великаго писателя къ себѣ. Бѣлинскій началъ съ метафизики и кончилъ научно-позитивнымъ міросозерцаніемъ. Онъ началъ съ умозрѣнія и кончилъ тѣмъ, что прославилъ эмпирическій способъ познанія. На зарѣ своей дѣятельности міръ, природу и исторію представлялъ себѣ только матеріаломъ, при помощи котораго можно было проникнуть въ природу Абсолютнаго начала, раскрывавшагося въ явленіяхъ дѣйствительности. Сами по себѣ ни міръ, ни природа, ни исторія, ни страданія человѣчества, ни потоки слезъ и крови, заливающіе землю, не казались ему значительными. Въ океанѣ человѣческихъ страданій его метафизически настроенный умъ не улавливалъ ничего, кромѣ слѣдовъ божественной гармоніи. На закатѣ своей дѣятельности онъ постигъ, что многострадальный русскій народъ представляетъ собою нѣчто великое и важное, и стонъ страдающей личности заглушилъ въ его душѣ стройныя небесныя мелодіи, которыя раньше чудились ему въ этомъ стонѣ Онъ понялъ, что природа и исторія не матеріалъ, не ступени, по которымъ черезъ головы милліоновъ гибнущихъ и задыхающихся можно подняться къ завѣсѣ, скрывающей отъ насъ начало всѣхъ началъ. Онъ

понялъ, что и природа и исторія представляютъ самодовлѣющую великую цѣнность. На зарѣ своей дѣятельности онъ стремился къ чистому созерцанію, онъ звалъ личность въ глубины ея собственнаго духа, требовалъ революціи сознанія и нравственнаго усилія. На закатѣ этой дѣятельности онъ звалъ къ борьбѣ съ гнетущими оковами существующаго порядка, призывалъ къ революціи общественнаго строя. Онъ началъ пламенной думой о потустороннемъ мірѣ и кончилъ страстной любовью къ міру реальному, началъ небомъ и кончилъ землей, началъ религіей и кончилъ наукой, началъ проповѣдью политическаго индифферентизма и кончилъ возбуждающей политической агитаціей..

Общая душевная драма мыслящихъ людей XIX вѣка!

Мы привыкли давать эпитеты столѣтіямъ. Мы называемъ XVIII столѣтіе раціоналистическимъ, мы говоримъ о классическомъ вѣкѣ, о вѣкахъ аскетизма, Возрожденія и т. д. И если слѣдовать этому устарѣлому обычаю, то едва ли для XIX вѣка можно было бы подыскать болѣе подходящее названіе, нежели вѣкъ крушенія романтическихъ иллюзій. Это не было столѣтіе полнаго торжества фактовъ и научнаго изслѣдованія. Это было скорѣе столѣтіе трагедій, которыя пережиты лучшими умами, неизбѣжно переходившими отъ

мечты къ дѣйствительности. Это столѣтіе открылось въ Европѣ одной изъ такихъ трагедій. Байронъ „Манфреда“ и Байронъ „Бронзоваго вѣка“, Байронъ, презирающій землю, и Байронъ, самый вѣрный сынъ земли и злобы дня,—таковы два полюса, начало и конецъ его дѣятельности! Поэтъ, окинувшій землю орлинымъ взоромъ, не отыскавшій въ ней ничего значительнаго, поэтъ, страстно стремившійся къ Небу и проклявшій это вѣчно молчащее Небо, кончилъ тѣмъ, что беззавѣтно отдался интересамъ земли, погрузился въ борьбу „ничтожныхъ“ интересовъ и отдалъ свою жизнь маленькому угнетенному народу. Поэты древности разсказывали безъ стѣсненія о томъ, какъ бросали свой мечъ во время битвы. Поэты XIX вѣка почти всѣ могли бы разсказать повѣсть о томъ, какъ бросали они свою лиру для меча. Диккенсъ-художникъ сталъ публицистомъ. Въ Шатобріанѣ всю жизнь боролись поэтъ и революціонеръ, въ Сенъ-Симонѣ—мечтатель и эмпирикъ, мистикъ и воинъ. Гейне, самый волшебный изъ романтиковъ, сталъ безпощаднымъ могильщикомъ романтической школы. И, можетъ-быть, никто лучше Гейне не разсказалъ о тяжелой душевной драмѣ мыслящей личности XIX вѣка. Съ ужасомъ прислушивался онъ къ проповѣди коммунистовъ, этихъ мрачныхъ „иконоборцевъ“. Ему

казалось, что они разрушатъ всю мишуру искусства, всѣ блестки и игрушки, столь дорогія сердцу поэта. Ему чудилось, что съ торжествомъ новаго справедливаго порядка будутъ вырублены олеандровыя рощи, будутъ изгнаны соловьи, эти „безполезные“ пѣвцы любви, въ листы его „Книги пѣсенъ“ будутъ заворачивать табакъ для бѣдныхъ старухъ будущаго. И, несмотря на это крушеніе иллюзій, Гейне чувствуетъ, что ему не уйти отъ обаянія этой страшной прозы, потому что дьяволъ—логикъ и неотвратимый силлогизмъ—держитъ его въ своей власти: если всякій имѣетъ право ѣсть, то необходимо покориться всѣмъ выводамъ, вытекающимъ изъ этого основного положенія. И Гейне совершилъ тотъ же безсмертный подвигъ, какъ и Байронъ, какъ и всѣ его великіе современники. Онъ проклялъ этотъ красивый міръ, въ которомъ „человѣка эксплоатировалъ человѣкъ“, процвѣтала несправедливость и благоденствовалъ эгоизмъ, и принесъ въ жертву человѣческому страданію и соловьевъ, и розы, и свою „Книгу пѣсенъ“: pereat mundus, fiat justitia! Гейне понялъ, кому выгодны „старыя пѣсни, зовущія па небо“. Онъ понялъ, кому послужила на пользу романтическая „возня“ съ рыцарствомъ и средневѣковьемъ, понялъ, что въ концѣ-концовъ великіе современные ему метафизики изъ фи-

лософовъ превратились въ статсъ-философовъ, а ихъ глубокомысленныя системы были не столько проникновеніемъ въ природу Абсолютнаго Разума, сколько оправданіемъ полицейски-бюрократическаго государственнаго строя.

Русскіе писатели не были исключеніемъ въ этой общей трагедіи, которую пережила европейская философская и художественная мысль. Русскимъ писателямъ не менѣе тяжелой цѣной доставался переходъ отъ умозрѣнія къ эмпирикѣ, отъ идей нравственнаго самоусовершенствованія къ идеямъ общественной борьбы. Если было различіе между нашими и западными писателями, то различіе скорѣе количественное, чѣмъ качественное. Вслѣдствіе специфическихъ условій русской дѣйствительности, всеобщаго народнаго невѣжества, особенно жестокаго разгула реакціи и безудержной вакханаліи темныхъ силъ разрушеніе иллюзій сопровождалось у насъ особенно глубокими личными потрясеніями, тяжелыми разочарованіями и душевными драмами. И трудно понять, какимъ образомъ русское общество, имѣя передъ своими глазами яркіе примѣры великихъ отреченій, въ наши дни снова пыталось вернуться къ тому, отъ чего приходилось столько разъ отрекаться. Оно больше, чѣмъ западно - европейское, могло убѣдиться въ

неизбѣжности союза между реакціей съ одной стороны и мистикой, метафизической философіей и чистымъ искусствомъ — съ другой. Что до того, что среди мистиковъ и эстетовъ были искренніе друзья народа и свободы! Ихъ ученіе на практикѣ неизбѣжно приводило ихъ къ оправданію темныхъ силъ, являлось поддержкой враговъ народа и палачей свободы. Когда Гоголь былъ реалистомъ, онъ сотрясалъ гнилые устои бюрократической Россіи. Когда онъ сталъ мистикомъ, онъ неизбѣжно долженъ былъ превратиться въ апологета кнута и кровавыхъ идиллій крѣпостного права. Лучшіе наши писатели отрекались отъ чистаго искусства, превращались въ публицистовъ и по примѣру своихъ западныхъ собратьевъ мѣняли лиру на мечъ. Толстой - художникъ почти замолкъ въ послѣднія десятилѣтія своей жизни. Но изъ Ясной Поляны раскатомъ революціонной трубы тѣмъ громче по всему міру звучалъ голосъ автора „Не могу молчать". Давно уже не появляются новыя художественныя творенія изъ-подъ пера Короленка, и онъ предпочитаетъ писать обличительныя статьи, раскрывая злоупотребленія и ужасъ нашей дѣйствительности. Авторъ „Слѣпого музыканта" сталъ авторомъ „Бытового явленія". Горькій забылъ о своемъ соколѣ, съ его неопредѣленными и краси-

выми порывами къ Небу, претворилъ эти порывы въ живое дѣло и сталъ соціалъ-демократомъ. Трудно говорить о томъ, утратила или выиграла русская литература отъ этихъ превращеній. Кто привыкъ видѣть въ литературномъ творчествѣ нѣчто самодовлѣющее, нѣчто независящее отъ остальныхъ элементовъ общественной жизни, въ глазахъ того эти превращенія нанесли литературѣ непоправимый ущербъ. Но кто понялъ уже, что у литературы нѣтъ своихъ обособленныхъ задачъ, что дѣло ея—общее дѣло со всѣми другими видами общественной борьбы, для того не можетъ быть этихъ устарѣлыхъ дѣленій. Когда всѣ формы творчества, всѣ стремленія научной мысли и всѣ порывы вдохновенія упираются въ одну неодолимую стѣну, тогда истинный геній разбиваетъ рамки и традиціонныя дѣленія, согласно которымъ онъ долженъ проявлять пылъ своего духа непремѣнно въ той или иной формѣ, тогда онъ создаетъ новыя формы, которыя болѣе подходятъ для даннаго момента. Пусть критики-схоласты разбираются въ томъ, что представляетъ изъ себя „Бытовое явленіе" Короленка: художественное ли твореніе генія или тенденціозную статью публициста, эпическая ли поэма предъ нами или пламенная рѣчь пылкаго агитатора. Мы знаемъ одно, что это загадочное твореніе дѣйствуетъ

на насъ съ неотразимой силой, съ болѣе потрясающей силой, чѣмъ многія чисто-художественныя созданія знаменитаго писателя, что какія-то струны нашей души звучатъ отвѣтнымъ стономъ; а какія струны—тѣ ли, которыя относятся къ сферѣ вѣдѣнія эстетовъ, или тѣ, которыми вѣдаютъ публицисты,—не все ли равно! Мы живемъ въ эпоху, когда философскія откровенія начинаютъ все болѣе и болѣе совпадать съ научными кропотливыми построеніями, а поэтическая фантазія оказывается выводомъ, добытымъ при помощи медленной и трудной работы. Старыя дѣленія оказываются непригодными. Они не могутъ вмѣстить въ себѣ новыхъ потребностей творческаго духа, всегда отражающаго новыя потребности времени. Тѣ новыя задачи, которыя возникли передъ русскимъ обществомъ, вызвали къ жизни и новые способы познанія истины, и новыя формы литературнаго творчества. Они неизбѣжно приводили къ эмпирическому методу познанія и къ натуралистической литературѣ, въ которой почти стерлись границы, отдѣляющія поэзію отъ науки. Они вызвали къ жизни такое странное произведеніе, какъ „Война и миръ“, въ которомъ трудно различить, гдѣ кончаются реляціи, дипломатическіе акты и историческіе документы и начинаются созданія фантазіи.

Возможно ли не понять смысла идейнаго процесса, совершающагося на нашихъ глазахъ? Если страннымъ представляется, какимъ образомъ на Западѣ могли въ наши дни снова временно возобладать мистическія и романтическія теченія, то русское общество, у котораго былъ Бѣлинскій, почти не имѣетъ оправданія въ своемъ временномъ увлеченіи мистиками, идеалистами и эстетами. Въ наши дни русское общество пыталось вступить на тотъ путь, съ котораго болѣе полувѣка тому назадъ сошелъ родоначальникъ нашей новѣйшей литературно-общественной мысли. Мы снова захотѣли перестрадать тотъ путь, который уже онъ перестрадалъ за насъ. Только великимъ потрясеніемъ, пережитымъ въ первое десятилѣтіе XX вѣка, можно объяснить этотъ новый приливъ мистической волны, унесшій на минуту часть русскаго общества. Правда, заблужденіе не было на этотъ разъ такимъ сильнымъ, какъ въ 30-е и 40-е годы прошлаго вѣка, и не такъ обширны были захваченные имъ слои. Оно не выбило изъ колеи русской литературы. И, переживъ краткій періодъ модернизма, мистики и всякаго вида экстазовъ, литература эта возвращается къ идеаламъ общественнаго служенія, завѣщаннымъ Бѣлинскимъ. Но можно ли считать это уклоненіе послѣднимъ. Можно ли быть убѣжденнымъ, что

послѣ новыхъ блужданій въ сознаніи русскаго общества окончательно утвердится великій завѣтъ Бѣлинскаго, и въ наши дни, болѣе чѣмъ черезъ полвѣка, не утрачивающій значенія новизны: „Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ аскетизмѣ, ни въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности. Ей нужны не проповѣди (довольно она слышала ихъ!), не молитвы (довольно она твердила ихъ!), а пробужденіе въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ потеряннаго въ грязи и сорѣ,—права и законы, сообразные не съ ученіемъ церкви, а съ здравымъ смысломъ и справедливостью, и строгое по возможности ихъ исполненіе. А вмѣсто этого она представляетъ собою ужасное зрѣлище страны, гдѣ люди торгуютъ людьми, не имѣя на это и того оправданія, какимъ лукаво пользуются американскіе плантаторы, утверждая, что негръ не человѣкъ; страны, гдѣ люди сами себя называютъ не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Стешками, Палашками; страны, гдѣ, наконецъ, нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромныя корпораціи разныхъ служебныхъ воровъ и грабителей". Много ли словъ въ этой знаменитой тирадѣ могутъ быть названы

устарѣвшими? И до этой простой и ясной истины Бѣлинскій дошелъ, побывавъ сначала на метафизическихъ высотахъ, переживъ мистическіе порывы и прославивъ чистое романтическое искусство. Не время ли напомнить теперь объ этомъ поучительномъ переворотѣ, теперь, когда русскую литературу пытаются снова увести отъ ея вѣковыхъ задачъ, когда мистики и эстеты снова въ новомъ видѣ заговорили о Богѣ, Небѣ и самодовлѣющемъ искусствѣ?

II.

Мы меньше кого бы то ни было имѣемъ право заблуждаться, потому что среди насъ жилъ и писалъ Бѣлинскій. Это былъ умъ, который, разъ овладѣвъ извѣстной идеей, не успокаивался до тѣхъ поръ, пока не озарялъ ею всѣ стороны жизни. Вотъ почему за его заблужденія мы должны быть ему такъ же благодарны, какъ и за открытыя имъ истины. И ложной идеей стремился онъ обнять все видимое, и когда вскрывалась ложь ея, то вскрывалась она всесторонне, и повтореніе ея становилось особенно затруднительнымъ, потому что не оставалось уголка, куда не пытался прійти съ ней искренній умъ Бѣлинскаго, не оставалось убѣжища для ложной идеи. Бѣлинскій надолго убилъ возможность возврата къ мистицизму, и если недавняя вспышка его была такой слабой, то въ этомъ немалую роль сыграло могучее дѣйствіе старыхъ смертельныхъ ударовъ, нанесенныхъ ему великимъ критикомъ. Въ крушеніи идеалистическихъ представленій и

въ торжествѣ научно-позитивнаго міросозерцанія Бѣлинскій сыгралъ великую роль. Въ этомъ отношеніи бурная и измѣнчивая исторія его внутренняго развитія поучительна въ двухъ отношеніяхъ. Послѣ него стало очевиднымъ тѣсное внутреннее сродство идеализма и реакціи. Послѣ него не остается никакихъ сомнѣній въ томъ, что рядъ идей, на первый взглядъ независимыхъ другъ отъ друга, въ дѣйствительности вытекаютъ изъ одного общаго источника и образуютъ въ совокупности цѣлую систему, являющуюся въ итогѣ обоснованіемъ застоя и консерватизма. Такова идея о приматѣ потусторонняго міра надъ міромъ реальнымъ; таково представленіе о самодовлѣющемъ искусствѣ, какъ о высшемъ элементѣ, въ которомъ раскрываются тайны нездѣшняго міра; такова мысль, въ силу которой работа личности надъ ея внутреннимъ міромъ высоко возносится по сравненію съ работой надъ реформой внѣшнихъ формъ общежитія. Такова идея о ничтожности той или другой формы политическаго строя въ вопросѣ о внутренней свободѣ и счастьѣ личности и вытекающіе отсюда извѣстный консерватизмъ, ненависть къ перемѣнамъ и ломкѣ существующихъ учрежденій, мистическая идеализація существующаго порядка. Русское общество должно быть счастливо, что имѣло Бѣлинскаго·

Онъ создалъ гармоническую систему изъ строя несходныхъ по внѣшности, но проникнутыхъ внутреннимъ единствомъ идей, представляющихъ въ конечномъ итогѣ всестороннее обоснованіе реакціи и застоя. Онъ же показалъ, какой жестокой бываетъ расплата для тѣхъ, кто временно поддался иллюзіи, повѣрилъ въ существованіе высшихъ, надземныхъ, разумныхъ силъ. Быть-можетъ, именно въ наше время полезно больше чѣмъ когда бы то ни было знать и о заблужденіяхъ, и о просвѣтлѣніи Бѣлинскаго. Его творенія—волшебное зеркало, въ которомъ мистики и идеалисты могутъ всегда видѣть ожидающій ихъ конецъ, могутъ видѣть всѣ детали предстоящаго имъ пути.

Бѣлинскій въ первый періодъ своей дѣятельности находился послѣдовательно подъ вліяніемъ трехъ нѣмецкихъ философовъ: Шеллинга, Фихте и Гегеля. Великій общественный инстинктъ Бѣлинскаго сказался именно въ томъ, что изъ всѣхъ трехъ философскихъ системъ онъ извлекъ главнымъ образомъ тѣ послѣдствія, которыя вытекали изъ нихъ для общественнаго сознанія личности. Въ этой особенности русскаго мыслителя, въ этомъ соціальномъ пылѣ, драгоцѣннѣйшемъ перлѣ нашей новѣйшей литературы, заключается та своеобразная черта, которая позволяетъ утверждать, что развитіе Бѣлин-

скаго совершалось въ сущности безъ вліянія подлинной нѣмецкой философіи, что въ потокѣ идей, вылившемся изъ-подъ его пера во второй половинѣ 30-хъ годовъ, онъ воспользовался нѣмецкими системами только какъ подходящими формулами, что идеи Бѣлинскаго были не переложеніемъ нѣмецкихъ метафизическихъ ученій, а выраженіемъ его собственнаго духа. Всѣ три системы, подъ вліяніемъ которыхъ Бѣлинскій находился въ первый періодъ своей дѣятельности, заключали въ себѣ попытку разрѣшить одинъ общій вопросъ,—тотъ вопросъ, который былъ завѣщанъ метафизической философіи теологическимъ міросозерцаніемъ. Это—вопросъ объ отношеніи между потустороннимъ съ одной стороны и міромъ земнымъ, міромъ явленій — съ другой. При всемъ различіи этихъ трехъ системъ онѣ сходились съ старыми теологическими представленіями въ одномъ,—въ признаніи того, что рядомъ съ здѣшнимъ, видимымъ міромъ существуетъ иной, высшій міръ, по отношенію къ которому этотъ видимый міръ играетъ служебную роль. Мысль о томъ, что міръ явленій играетъ самодовлѣющую роль, что жизнь его и законы этой жизни могутъ быть изслѣдованы путемъ опыта, конечно, была чужда нѣмецкимъ системамъ. Всѣ три философа стремились въ видимыхъ явленіяхъ уловить не

законы, не связи и отношенія, существующія между ними. Они страстно искали въ этихъ явленіяхъ проявленія той высшей силы, которая является единственно значительной. Фихте назвалъ эту силу Абсолютнымъ Субъектомъ, Шеллингъ—Абсолютнымъ Разумомъ, Гегель—Абсолютной Идеей. Но у всѣхъ трехъ видимый міръ былъ не отдѣльнымъ началомъ, а порожденіемъ этого абсолютнаго начала. Видимый міръ былъ только средствомъ или процессомъ, который Абсолютное начало извлекло изъ себя, для того чтобы познать самого себя. Такимъ образомъ, вопросъ сводился на практикѣ къ тому, какимъ образомъ въ явленіяхъ дѣйствительности познать раскрывающееся въ немъ Абсолютное начало и какъ должна поступать личность для того, чтобы не итти вразрѣзъ съ Абсолютомъ, не вносить диссонанса въ міровую гармонію. Фихте считалъ такимъ первоисточникомъ истиннаго познанія наше „*я*“. Внѣшній міръ, „*не-я*“, казался ему только функціей, черезъ которую „*я*“ ограничиваетъ и опредѣляетъ себя. Этимъ Фихте открылъ полный просторъ романтическому субъективному произволу. Личность получала право въ своихъ сужденіяхъ обращаться только къ самой себѣ, въ полной увѣренности, что истина таится въ ней самой, что внѣшній міръ—только призракъ, ея собственная гре-

за, что оцѣнку явленіямъ этого міра она можетъ прихотливо производить по своему усмотрѣнію. Шеллингъ объявилъ такимъ источникомъ истины искусство... Какъ у Фихте личность въ своемъ произволѣ постигала природу Абсолютнаго субъекта и высшаго закона, царящаго надъ міромъ, такъ, по ученію Шеллинга, созерцаніе искусства приводитъ къ познанію Абсолюта. Творенія искусства — отраженія міровой души, единаго разума, отъ котораго исходитъ весь міръ. Отсюда тотъ культъ искусства, то благоговѣніе передъ художникомъ, которыя Шеллингъ и вмѣстѣ съ нимъ романтическая школа сдѣлали центральнымъ моментомъ своего міросозерцанія. Искусство—путь, ведущій къ раскрытію тайнъ Абсолюта. Поэты и художники, это — рѣдкіе роковые демоническіе люди, ими руководитъ высшая сила. Художникъ инстинктивно вкладываетъ въ свое произведеніе, кромѣ того, что онъ выразилъ въ немъ съ очевиднымъ намѣреніемъ, какъ бы цѣлую безконечность, которую ни одинъ конечный разсудокъ неспособенъ развить вполнѣ. Художественное произведеніе заключаетъ въ себѣ выраженіе безконечной гармоніи. Словомъ, въ художественномъ созерцаніи завершается самосозерцаніе „я". Въ своей „Системѣ трансцендентальнаго идеализма" Шеллингъ высказалъ знамени-

тыя идеи объ искусствѣ, ставшія евангеліемъ романтиковъ и эстетовъ: „Искусство есть истинный и вѣчный организмъ и въ то же время документъ философіи, постоянно и все вновь подтверждающій то, чего философія не можетъ выразить во внѣшней формѣ, именно изображающій безсознательное въ его дѣятельности и творчествѣ и его первоначальное тождество съ сознательнымъ. Искусство есть высочайшее явленіе для философа именно потому, что оно какъ бы раскрываетъ ему Святая Святыхъ, гдѣ въ вѣчномъ и первоначальномъ единствѣ въ единомъ пламени пылаетъ то, что обособлено въ природѣ и въ исторіи и что вѣчно должно расходиться въ жизни и дѣятельности, а также въ мышленіи. Взгляды на природу, искусственно создаваемые философами, въ искусствѣ являются первоначально и естественно. Природа есть поэма, написанная первотаинственными чудесными письменами. Однако, если бы загадка могла раскрыться, мы бы увидѣли въ ней *Одиссею духа*, который, чудесно обманываясь, ища себя, бѣжитъ отъ самого себя; въ самомъ дѣлѣ, смыслъ міра проглядываетъ сквозь чувственную оболочку его лишь такъ, какъ значеніе словъ—сквозь ихъ звуки, какъ страна фантазіи, составляющей предметъ нашихъ желаній,—сквозь полупрозрачный туманъ". Если

по Фихте міръ представлялся призракомъ, созданіемъ нашего „я“, то по Шеллингу природа была поэмой, искусство и поэзія помогали читать ея тайны.

Нѣсколько иное отношеніе между абсолютнымъ началомъ и міромъ явленій устанавливаетъ Гегель. По его ученію, Абсолютная Идея или Абсолютный Разумъ тоже пользуется природой, видимымъ міромъ, только для того, чтобы въ концѣ-концовъ познать себя самого, вернуться черезъ природу къ себѣ. Для того, чтобы достигнуть самосознанія, Абсолютный Разумъ въ своей творческой игрѣ полагаетъ природу какъ нѣчто другое и отличное отъ себя. Природа есть, такимъ образомъ, его „инобытіе“, его относительная противоположность. Міровой процессъ представляетъ собою постепенное самораскрытіе абсолютнаго, которое достигаетъ своей конечной ступени въ разумномъ существѣ—человѣкѣ. Такимъ образомъ, жизнь міра, исторія человѣчества, развитіе искусства и религіи,—все это образуетъ безпрерывное движеніе, которое является элементомъ въ процессѣ самораскрытія Абсолютной Идеи. Такъ какъ Абсолютное заключается во всемъ, то процессъ, которымъ оно возвращается къ себѣ черезъ полагаемое имъ самимъ „инобытіе“ и сознаетъ себя въ немъ,—этотъ процессъ есть законъ всякой

дѣйствительности. Это всепроникающее движеніе является живой связью, внутренне соединяющей всѣ части физическаго и духовнаго міра между собою и съ абсолютнымъ, которое внѣ этой связи какъ нѣчто отдѣльное и не существуетъ вовсе. Поэтому бытіе и мышленіе не представляются двумя различными процессами. Бытіе и мышленіе— одно, такъ какъ въ нихъ одинаково сказывается дѣйствіе скрытой силы Абсолютнаго. Конечныя вещи и наши понятія заключаютъ въ себѣ одинъ и тотъ же процессъ внутренняго развитія. Вещи и понятія нельзя разсматривать какъ независимыя, обособленныя существованія, относящіяся только къ самимъ себѣ. И тѣ, и другія—части цѣлаго, стадіи въ единомъ процессѣ. Логическая мысль и объектъ логической мысли -- одно. Все сущее мы можемъ познавать только какъ мыслимое. Въ сущности мы даже не знаемъ другого сущаго кромѣ мыслимаго, внѣ мысли мы не знаемъ ничего, и дѣйствительное истинное познаніе возможно лишь при условіи внутренняго единства познающаго и познаваемаго, мыслящаго и мыслимаго. Разумное и дѣйствительное—одно, потому что дѣйствительность развивается такимъ же процессомъ, какъ логическая дѣятельность. Этотъ процессъ, общій для логическаго мышленія и бытія, Гегель называетъ діалектическимъ

методомъ. Онъ состоитъ изъ трехъ моментовъ. Всякое понятіе, развиваясь до своего логическаго конца (тезисъ), превращается въ свою противоположность (антитезисъ). Оба понятія примиряются въ третьемъ—синтезѣ. Какъ только это понятіе утверждается, оно, развиваясь неизбѣжно переходитъ въ свою противоположность и т. д. Бельтовъ (Плехановъ) приводитъ рядъ любопытныхъ примѣровъ, поясняющихъ эту мысль. Движущееся тѣло въ данную минуту находится въ данной точкѣ и въ то же время внѣ ея, потому что если бы оно находилось только въ ней, оно, по крайней мѣрѣ на мгновеніе, стало бы неподвижнымъ. Словомъ, о положеніи движущагося тѣла мы дѣлаемъ два противоположныя и одинаково вѣрныя утвержденія. Всякое отвлеченное право, дойдя до своего логическаго конца, превращается въ безправіе, т.-е. въ свою собственную противоположность. „Венеціанскій купецъ“ Шекспира — лучшее доказательство. „Свободное соперничество“ въ области экономическихъ отношеній, доведенное до своего логическаго конца, переходитъ въ свою противоположность, т.-е. въ монополію, или отрицаніе соперничества, такъ какъ каждый предприниматель стремится побить своихъ соперниковъ, и въ концѣ-концовъ тотъ, кому удалось осуществить это, становится единолич-

нымъ хозяиномъ рынка. Такимъ образомъ, міровой процессъ оказывается логическимъ процессомъ. Всякое явленіе, возникающее передъ нами, есть стадія въ вѣчной борьбѣ противоположностей, одинъ изъ элементовъ въ процессѣ раскрытія Абсолютнаго Разума. Всякое историческое событіе необходимо, потому что оно—звено великой и необходимой цѣпи, безъ него нарушилась бы міровая гармонія. Возстать противъ какого-нибудь явленія жизни—это значитъ возстать противъ Абсолютнаго Разума.

Если Фихте далъ толчокъ крайнему индивидуализму, видѣлъ въ произволѣ личности выраженіе цѣлей и задачъ Абсолютнаго; если Шеллингъ уводилъ въ сферы фантазіи и училъ въ художественномъ творчествѣ и въ эстетическихъ экстазахъ искать путей къ познанію Абсолютнаго, то Гегель приводилъ къ примиренію съ дѣйствительностью, училъ ее брать безъ критики, таковой, какова она есть, и видѣть во всѣхъ ея явленіяхъ непосредственные этапы въ процессѣ самопознанія и раскрытія Абсолютнаго. Это были системы сходныя, несмотря на все ихъ несходство. Онѣ совершали общее страшное въ общественномъ смыслѣ дѣло. Онѣ точно нарочно стали рядомъ и были усвоены величайшимъ изъ писателей-общественниковъ для того, чтобы показать, въ какой тѣсной

связи между собою находятся и романтическій индивидуализмъ, и мистическое стремленіе къ Абсолютному, и метафизическое презрѣніе къ міру явленій, къ міру дѣйствительному, и общественно-политическій индифферентизмъ. Онѣ соединились для того, чтобы не было сомнѣній относительно того, что мистики, идеалисты, эстеты, индивидуалисты, фантасты, мечтатели и проповѣдники всякаго рода экстазовъ и экзальтацій образуютъ соединенную армію, которая въ конечномъ счетѣ съ разныхъ сторонъ укрѣпляетъ всѣ идеологическія позиціи реакціи. Эта армія на всѣхъ пунктахъ является опорой сильныхъ, кому выгодно признаніе дѣйствительности или удаленіе отъ нея въ сферы фантазіи, въ глубины индивидуальнаго сознанія или къ безумію и экстазамъ.

И если первый періодъ дѣятельности Бѣлинскаго дорогъ намъ, то именно тѣмъ, что его пламенный искренній умъ, доводившій всякую идею до ея логическаго конца, разъ навсегда установилъ эту связь.

III.

Въ этотъ періодъ Бѣлинскій вѣрилъ, что явленія видимаго міра, раскинутаго передъ нами, важны только какъ отраженія высшаго міра, какъ отраженія Абсолютной Идеи. „Весь безпредѣльный, прекрасный Божій міръ,—говоритъ онъ въ „Литературныхъ мечтаніяхъ",—есть не что иное, какъ дыханіе единой вѣчной идеи (мысли единаго, вѣчнаго Бога), проявляющейся въ безчисленныхъ формахъ какъ великое зрѣлище абсолютнаго единства въ безконечномъ разнообразіи. Только пламенное чувство смертнаго можетъ постигать въ свои свѣтлыя мгновенія, какъ велико тѣло этой души вселенной, сердце котораго составляютъ громадныя солнца, жилы—пути млечные, а кровь—чистый эѳиръ. Для этой идеи нѣтъ покоя: она живетъ безпрестанно, т.-е. безпрестанно творитъ, чтобы разрушать, и разрушаетъ, чтобы творить... Кружится колесо времени съ быстротой непостижимой, въ безбрежныхъ равнинахъ неба потухаютъ свѣтила, какъ истощившіеся вулканы, и за-

жигаются новыя; на землѣ проходятъ роды и поколѣнія и замѣняются новыми, смерть истребляетъ жизнь, жизнь уничтожаетъ смерть; силы природы борются, враждуютъ и умиротворяются силами посредствующими, и гармонія царствуетъ въ этомъ вѣчномъ броженіи, въ этой борьбѣ началъ и веществъ. Такъ—идея живетъ: мы ясно видимъ это нашими слабыми глазами. Она мудра, ибо все предвидитъ, все держитъ въ равновѣсіи; за наводненіемъ и за лавой ниспосылаетъ плодородіе, за опустошительной грозой—чистоту и свѣжесть воздуха, въ пустыняхъ песчаной Аравіи и Африки поселила верблюда и страуса, въ пустыняхъ ледяного сѣвера поселила оленя“. Выдѣлите изъ этой тирады ея основныя мысли: „въ вѣчномъ броженіи царствуетъ гармонія“, „вѣчная идея мудра, ибо все держитъ въ равновѣсіи“, „только пламенное чувство смертнаго можетъ постигать, какъ велико тѣло этой души“,—и предъ вами предстанутъ основные практическіе выводы этого мистико-эстетическаго міросозерцанія: не терзайтесь мыслью о томъ, что существуютъ наводненія и землетрясенія, что каждое изъ нихъ оглашаетъ землю стонами тысячъ раненыхъ и осиротѣлыхъ, что страданія человѣчества неисчислимы, что земля пропитана кровью и слезами. Знайте, что все это въ совокупности свидѣтельству-

етъ о мудрости Абсолютной Идеи, что во всемъ этомъ „броженіи царствуетъ гармонія“. Не боритесь противъ „наводненія и лавы“, а отдавайтесь „пламенному чувству“ и ищите „свѣтлыхъ мгновеній“, потому что только этимъ путемъ вы можете постигнуть природу Абсолютной Идеи.

Правда, уже въ эту эпоху могучій общественный инстинктъ Бѣлинскаго прорывался сквозь оковы ослѣпившихъ его метафизическихъ системъ. Уже въ эту эпоху говорилъ онъ, что „жизнь есть дѣйствованіе, а дѣйствованіе есть борьба“, призывалъ жертвовать собою на пользу человѣчества, дышать для счастья другихъ. Но самое понятіе „пользы“ человѣчества было для него неопредѣленной туманной идеей, и, кажется, жертвой представлялось Бѣлинскому стремленіе „выстрадать свое соединеніе съ Богомъ, свое безсмертіе, которое должно состоять въ уничтоженіи своего „я“, въ чувствѣ безпредѣльнаго блаженства. Служить ближнему—это значитъ отверзать души ближнихъ для впечатлѣній благого и истиннаго, изобличать порокъ и невѣжество, терпѣть гоненія злыхъ, ѣсть хлѣбъ, смоченный слезами, и не сводить задумчиваго взора съ прекраснаго родного тебѣ неба“.

Если видимый міръ играетъ служебную роль, если выполнять свое назначеніе на

землѣ значитъ сливаться съ вѣчнымъ, абсолютнымъ, то и роль искусства, и эстетическое воспріятіе Бѣлинскій опредѣляетъ въ духѣ Шеллинга. Искусство не должно служить земнымъ задачамъ. Оно не должно раскрывать причиновъ и источникъ человѣческихъ страданій. Его задача—раскрывать присутствіе божественной гармоніи и въ темныхъ и въ свѣтлыхъ сторонахъ видимой дѣйствительности. „Все благо, правъ судьбы законъ“, какъ поетъ Ленскій наканунѣ рокового дня дуэли. „Искусство,—говоритъ Бѣлинскій,—есть выраженіе великой идеи вселенной въ ея безконечно разнообразныхъ явленіяхъ“. Художникъ долженъ помнить, что передъ лицомъ Абсолютнаго Разума нѣтъ прекраснаго и отвратительнаго, всѣ явленія одинаково прекрасны, всѣ, даже самые гнусные люди одинаково красивы. „Развѣ не одинъ и тотъ же духъ Божій создалъ кроткаго агнца и кровожаднаго тигра, статную лошадь и безобразнаго кита, красавицу-черкешенку и урода-негра? Развѣ онъ больше любитъ голубя, чѣмъ ястреба; соловья, чѣмъ лягушку; газель, чѣмъ удава? Для чего же поэтъ долженъ изображать вамъ одно прекрасное, одно умиляющее душу и сердце? Если Ганъ Исландецъ можетъ существовать въ природѣ, то я, право, не понимаю, чѣмъ онъ хуже какого-нибудь Карла Моора или

маркиза Позы? Я люблю Карла Моора какъ человѣка, обожаю Позу какъ героя и ненавижу Гана Исландца какъ чудовище, но какъ созданія фантазіи, какъ частныя явленія общей жизни они для меня всѣ равно прекрасны". Итакъ, и у поэта отнималось его священное право негодовать противъ неправды, онъ долженъ былъ одинаково любить злодѣя и героя, негодяя и честнаго человѣка, какъ „частныя явленія общей жизни". И въ области художественнаго творчества мысль о „вѣчной идеѣ", объ „Абсолютномъ Разумѣ", объ „общей жизни вселенной" роковымъ образомъ приводила къ индифферентизму, къ примиренію съ отрицательными сторонами дѣйствительности. Въ эту эпоху писалъ Бѣлинскій о томъ, что „поэзія не имѣетъ цѣли внѣ себя", что „это безпристрастіе, эта холодность поэта, который какъ-будто говоритъ вамъ: такъ было, а впрочемъ мнѣ какое дѣло!—есть высочайшій зенитъ художественнаго совершенства, есть истинное творчество".

Бѣлинскій принадлежалъ къ числу тѣхъ натуръ, которыя не умѣютъ останавливаться на полдорогѣ. Если въ „Литературныхъ мечтаніяхъ" общій строй его мыслей иногда нарушается идеей общественнаго служенія и мыслью о значительности земного, если въ статьѣ „О русской повѣсти и повѣстяхъ Го-

голя“ онъ готовъ признать извѣстное значеніе за реальной поэзіей, то въ статьѣ о Менцелѣ онъ создаетъ истинный апоѳеозъ искусства, отрѣшеннаго отъ дѣйствительности, поэзіи, слетающей съ высотъ, гдѣ обитаетъ Абсолютный Разумъ, поэзіи величавой, довлѣющей себѣ, равнодушно и даже съ презрѣніемъ взирающей на злобу дня, на скорбную драму нашего временнаго бытія. Ему противны романисты, которые заняты вопросомъ о справедливости или несправедливости того или иного закона, вопросами о налогахъ, рекрутахъ и т. д. Не такова истинная поэзія,—восклицаетъ онъ:—ея содержаніе не вопросы дня, а вопросы вѣковъ, не интересы страны, а интересы міра, не участь партій, а судьбы человѣчества. Не таковъ художникъ: въ дивныхъ образахъ осуществляетъ онъ божественную идею для нея самой, а не для какой-либо внѣшней и чуждой ей цѣли... Вдохновеніе художника такъ свободно, что самъ онъ не можетъ повелѣвать имъ, но повинуется ему, ибо онъ въ немъ, но не отъ него. Онъ не можетъ выбирать темъ для своихъ созданій, ибо безъ его вѣдома возникаютъ въ душѣ его таинственныя явленія, которыя показываетъ онъ потомъ на-диво міру. Дѣло Питтовъ и Меттерниховъ—участвовать въ судьбѣ народовъ и испытывать свое вліяніе въ политической сферѣ человѣчества.

Дѣло художниковъ—созерцать „полное славы творенье“ и быть его органами, а не вмѣшиваться въ дѣла политическія и правительственныя.

Развивая свою основную идею о приматѣ потусторонняго міра надъ міромъ явленій, превращая по примѣру средневѣковыхъ теологовъ землю въ служанку неба, въ блѣдное отраженіе высшей идеи, Бѣлинскій окрасилъ этой унижающей мыслью всѣ элементы жизни. Что такое народъ, нація, государство? Есть ли это организмъ, преслѣдующій цѣли самосохраненія и развитія всѣхъ образующихъ его элементовъ? Есть ли это соединеніе людей, осуществляющихъ общими усиліями задачу матеріальнаго и духовнаго преуспѣянія всѣхъ его членовъ? Нѣтъ. По Бѣлинскому, это мистическая единица, брошенная высшей силой въ міръ для своихъ собственныхъ цѣлей. Это — снова рабская служебная сила, одна изъ ступеней, черезъ которую шагаетъ Абсолютъ въ процессѣ своего самопознанія. Есть что-то болѣе важное и значительное, чѣмъ народъ, есть какая-то цѣль, въ осуществленіи которой народъ играетъ только роль средства. Самъ по себѣ онъ не можетъ служить цѣлью. Каждый народъ,—говоритъ Бѣлинскій —,играетъ въ великомъ семействѣ человѣческаго рода свою особенную назначенную ему провидѣніемъ роль и вноситъ

въ общую сокровищницу его успѣховъ на, поприщѣ самосовершенствованія свою долю свой вкладъ; другими словами, каждый народъ выражаетъ собою одну какую-нибудь сторону жизни человѣчества. И этотъ вѣчный порывъ къ небу, этотъ, казалось бы, возвышенный паѳосъ, это желаніе воодушевить все видимое единымъ пламеннымъ стремленіемъ къ высшей идеѣ приводятъ послѣдовательный и неподкупный умъ Бѣлинскаго къ тому, къ чему долженъ былъ бы неизбѣжно прійти всякій мистикъ, умѣющій договариваться до конца. Они приводятъ его къ постыдному оправданію позорнѣйшихъ моментовъ въ исторіи человѣчества.

Историческая концепція Бѣлинскаго вполнѣ гармонируетъ съ его основной идеей. Исторія человѣчества должна, какъ и все видимое, свидѣтельствовать о царствующей въ мірѣ гармоніи, о мудрости Абсолютной Идеи. Въ исторіи не было отрицательныхъ моментовъ. Все благо! Какъ жалки тѣ люди, которые возстаютъ противъ невѣжества, противъ мрачныхъ временъ варварства и народныхъ бѣдствій. Добровольные мученики—имъ нѣтъ покоя: тамъ гаснетъ свѣтъ просвѣщенія, тутъ гибнетъ добродѣтель и нравственность, здѣсь подавляется цѣлый народъ—и съ воплемъ указываютъ они на виновниковъ такого ужаснаго зла, какъ-

будто бы люди или человѣкъ въ состояніи остановить ходъ міра, измѣнить участь народа; какъ-будто бы нѣтъ провидѣнія, и судьбы земнородныхъ предоставлены слѣпому случаю или слѣпой волѣ одного человѣка. Этихъ людей, одержимыхъ святымъ недовольствомъ, этихъ людей, которыми гордится исторія человѣчества, этихъ мятежниковъ, которымъ она обязана вѣчнымъ движеніемъ впередъ, Бѣлинскій называетъ „сумасбродами". Онъ по-своему смотритъ на исторію. Погибла прекрасная Греція, страна Гомеровъ и Платоновъ, опустѣли дивные храмы, унесены мраморныя статуи рукою варвара-побѣдителя. Но, оказывается, гибель античной цивилизаціи совершилась по благому замыслу провидѣнія на пользу человѣчеству. Развалины, статуи, „Иліада" стали источникомъ живого блаженства, жизнь грековъ вошла въ нашу какъ элементъ, и въ итогѣ мы должны чуть ли не прославлять этотъ „натискъ варварства и невѣжества". Или другой фактъ: Омаръ сжегъ Александрійскую библіотеку. Можетъ ли быть два различныхъ мнѣнія относительно этого вандальскаго подвига? Можетъ ли кто-нибудь не скорбѣть при мысли о томъ непоправимомъ ударѣ, который рука варвара нанесла цивилизаціи? Бѣлинскій и въ этомъ ужасномъ событіи неожиданно отыскалъ

даже слѣды міровой гармоніи, увидѣлъ свидѣтельство необычайной мудрости Абсолютнаго Разума. „Погодите,—восклицаетъ онъ,—милостивые государи, проклинать Омара!.. Омаръ сжегъ Александрійскую библіотеку, но не сжегъ Гомера и Платона, Эсхила и Демосѳена, которыхъ мы знаемъ“. Точь-въ-точь какъ тотъ вѣрующій священникъ, у котораго жертвой нелѣпаго случая трагически погибъ сынъ и который увидалъ въ этомъ новый поводъ славословить Бога за то, что Онъ, имѣя возможность отнять у него всѣхъ трехъ сыновей, отнялъ лишь одного и сохранилъ двухъ остальныхъ.

Глубокая увѣренность въ разумности всего существующаго не могла найти себѣ подтвержденія въ разстилавшейся передъ Бѣлинскимъ дѣйствительности. Ни опытъ, ни наблюденіе не могли оправдать его оптимизма. Напротивъ того, выводы, добытые эмпирическимъ путемъ, могли бы привести къ противоположнымъ воззрѣніямъ. Они могли бы убѣдить его въ томъ, что въ мірѣ нѣтъ гармоніи и незамѣтно слѣдовъ мудрости Абсолютнаго Разума, что вѣра въ эту гармонію оказывается чрезвычайно выгодной для угнетателей и крѣпостниковъ и парализуетъ активное противодѣйствіе со стороны угнетенныхъ, которымъ не легче было переносить голодъ и униженія оттого, что

этотъ голодъ и эти униженія нужны были какой-то вѣчной идеѣ для ея самопознанія. И Бѣлинскому ничего не оставалось, какъ отвергнуть опытъ и факты и для подтвержденія своихъ выводовъ прибѣгнуть къ умозрѣнію. Умозрѣніе—тотъ счастливый способъ познанія истины, который позволяетъ намъ видѣть въ явленіяхъ все, что намъ удобно видѣть, и позволяетъ закрывать глаза на то, что противорѣчитъ представленію о гармоніи. Наше „*я*“ становится единственнымъ судьей явленій, слѣдуя своей прихоти и населяя міръ законами и духами по своему произволу. „Міръ, — говоритъ Бѣлинскій въ одномъ письмѣ, слѣдуя ученію Фихте,—или вселенная есть Его (Бога) храмъ, а душа и и сердце человѣка или, лучше сказать, внутреннее „*я*“ человѣка есть Его алтарь, престолъ, святая святыхъ. Итакъ, ищи Бога не въ храмахъ, созданныхъ людьми, но ищи въ сердцѣ своемъ, ищи Его въ любви своей... Внѣ мысли все призракъ, мечта; одна мысль существенна и реальна. Что такое ты самъ? Мысль, одѣтая тѣломъ. Тѣло твое сгніетъ, но твое „*я*“ останется, слѣдовательно тѣло твое есть призракъ, мечта, но „*я*“ твое существенно и вѣчно“.

Если въ мірѣ дѣйствительно мъ что-нибудь не подтверждаетъ апріорныхъ заключеній моего „я“, это не значитъ, что мое „я“

ошиблось,—это значитъ, что ложны факты. „Напримѣръ, я убѣжденъ, — говоритъ Бѣлинскій, — что поэзія есть безсознательное выраженіе творящаго духа и что, слѣдовательно, поэтъ, въ минуту творчества, есть существо болѣе страдательное, нежели дѣйствующее, а его произведеніе есть уловленное видѣніе, представшее ему въ свѣтлую минуту откровенія свыше, слѣдовательно оно не можетъ быть выдумкой его ума, сознательнымъ произведеніемъ его воли“. Представьте теперь, что мнѣ укажутъ рядъ произведеній, не подходящихъ подъ этотъ законъ. „Слѣдовательно, они ложны,—отвѣчаю я.—Но вѣрно ли ваше начало?—Опровергните его“. При такомъ произволѣ, при такой полной эмансипаціи отъ объективныхъ методовъ сужденія Бѣлинскому, конечно, открывалась полная свобода объявлять истиной все, что вздумается, и устанавливать законы, которые вполнѣ оправдывали печальную дѣйствительность его времени. Никогда еще такъ ярко не устанавливалась связь между умозрѣніемъ и реакціей, какъ въ сужденіяхъ Бѣлинскаго. Если факты, если опытъ и наблюденіе съ непреложной очевидностью говорятъ о необходимости реформы, о перестройкѣ общественнаго порядка, то долой факты и опытъ! Можно не видѣть фактовъ и свое собственное желаніе объявить исти-

ной. Должно факты объяснять мыслью, а не мысль выводить изъ фактовъ. Изъ опыта,— говоритъ, напр., Бѣлинскій,—нельзя вывести, какимъ образомъ изъ отеческой власти явилась царская, отецъ сталъ царемъ, но „въ умозрѣніи это очень понятно“.

Итакъ, система была готова,—система стройная и возвышенная. Что такое природа, вселенная? Выраженіе Абсолютнаго Разума, ступень въ процессѣ его самопознанія. Что такое искусство, поэзія? Посредники между здѣшнимъ и нездѣшнимъ міромъ. Ихъ дѣло не изображеніе дѣйствительности, не служеніе обществу. Слишкомъ низкая и мелкая задача для искусства поэзіи! Онѣ должны читать въ каждомъ явленіи отраженіе высшей тайны и приносить объективную правду въ жертву безпощадному Молоху—Абсолюту. Что такое поэтъ? Это тотъ избранникъ, которому лучше другихъ видна природа Абсолюта, раскрывающагося въ явленіяхъ дѣйствительности, который долженъ поэтому презирать дѣйствительность, какъ нѣчто самодовлѣющее, и обязанъ показывать всѣмъ вѣчное во временномъ. Что такое исторія? Книга, въ которой можно читать повѣсть Абсолютнаго. Въ этой исторіи одинаково прекрасны и вѣка варварства, и вѣка культурнаго расцвѣта, убійцы и отравители, мученики долга и вѣры. Все это выраженія

мудрости Абсолютнаго Разума. Что такое личность? Она цѣнна только какъ единица, способная слиться съ Абсолютнымъ. Она не должна поэтому довѣряться опыту и фактамъ, своимъ органамъ чувствъ. Она должна погружаться въ глубины своего собственнаго духа, благо этимъ путемъ можно видѣть мудрость и гармонію въ тѣхъ явленіяхъ, о которыхъ факты и опытъ говорятъ, какъ о явленіяхъ нецѣлесообразныхъ и дикихъ. Философскій фонъ былъ готовъ, оставалось вышивать узоры.

И Бѣлинскій вышилъ ихъ!

IV.

Онъ показалъ, кому служила эта философская армія, показалъ такъ ослѣпительно-ярко, какъ умѣлъ дѣлать это только онъ. И странно, какъ послѣ него могли снова повториться тѣ же попытки, какимъ образомъ послѣ него мистики, эстеты и индивидуалисты могли снова утѣшаться наивной вѣрой, что они возвышенно служатъ раскрытію тайнъ Абсолюта, а не просто обосновываютъ право угнетателей обирать массы. Статьи о Бородинской годовщинѣ были не случайностью, а неизбѣжнымъ логическимъ выводомъ изъ метафизическихъ увлеченій Бѣлинскаго. Онъ самъ позаботился о томъ, чтобы связь между его возвышенными философскими предпосылками и его позорными практическими выводами стала очевидной.

Онъ еще разъ повторилъ свои мысли объ Абсолютномъ Разумѣ, о мистическомъ происхожденіи народа, о служебной роли дѣйствительности, еще разъ изрекъ знаменитую формулу („Все, что ни есть—есть или являющійся разумъ (разумъ въ явленіи), или сознающій разумъ (разумъ въ сознаніи)“), прежде чѣмъ перейти къ идеямъ, изложеннымъ въ знаменитой статьѣ.

Уже въ письмахъ, относящихся къ этому періоду, Бѣлинскій выступаетъ апологетомъ реакціи, врагомъ свободы и прогресса. Въ письмѣ отъ 7-го августа 1837 года онъ проводитъ рѣзкую грань между Россіей и Франціей, „страной опыта, примѣненія идеи къ жизни“. За Россіей онъ готовъ утвердить званіе страны рабовъ чуть ли не въ качествѣ почетнѣйшаго для нея имени: „Мы,—говоритъ онъ,—еще не имѣемъ правъ, мы еще рабы, если угодно, но это оттого, что мы еще *должны быть рабами* (!). Россія еще дитя, для котораго нужна нянька, въ груди которой билось бы сердце, полное любви къ своему питомцу, а въ рукѣ которой была бы лоза, готовая наказывать за шалости. Дать дитяти полную свободу — значитъ погубить его. Дать Россіи въ ея теперешнемъ состояніи свободу — значитъ погубить Россію. Въ понятіи нашего народа свобода есть воля, а воля — озорничество. Не въ парламентъ пошелъ бы освобожденный русскій народъ, а

въ кабакъ побѣжалъ бы онъ пить вино, бить стекла, вѣшать дворянъ, которые бреютъ бороду и ходятъ въ сюртукахъ, а не въ зипунахъ". Правительство Николая I представляется ему идеаломъ правительства. Оно запрещаетъ писать противъ крѣпостного права, а само „исподволь освобождаетъ крестьянъ". Все идетъ въ Россіи къ лучшему. Тирановъ-помѣщиковъ становится все меньше. Когда-то паденіе при дворѣ сопровождалось ссылкой въ Сибирь, а теперь „много-много ссылкой въ свою деревню". Когда-то осуждали на четвертованіе фельдмаршаловъ, а теперь „и насъ съ тобой, людей совершенно ничтожныхъ въ гражданскомъ отношеніи, не будутъ четвертовать даже, если бы мы были достойны этого". Самодержавная власть даетъ свободу думать и мыслить. Она не позволяетъ вмѣшиваться въ ея дѣла, громко говорить, переводить книги, но она пропускаетъ послѣднія изъ-за границы. „Все это хорошо и законно, потому что то, что можешь знать ты, не долженъ знать мужикъ". Правительство не позволяетъ выписывать политическихъ книгъ, но „онѣ послужили бы только ко вреду, кружа головы неосновательныхъ людей", зато оно допускаетъ въ Россію произведенія германскихъ мыслителей. Итакъ, къ чорту политику, да здравствуетъ наука *).

---

*) См. *П. Коганъ*. Бѣлинскій и его время. М. 1911.

Это озлобленіе противъ протестантовъ, эта ненависть къ политической борьбѣ, неизбѣжно вытекавшая изъ любви къ чистому умозрѣнію, нашли себѣ выходъ въ мистическомъ преклоненіи передъ властью, въ рабскомъ самоуничиженіи, въ отрѣшеніи отъ своего естественнаго права вліять на рѣшеніе судебъ общества, права контролировать власть. „Человѣческіе уставы,—говоритъ Бѣлинскій въ статьѣ объ „Очеркахъ Бородинскаго сраженія",—могутъ быть полезны, а не священны; только непосредственно Богомъ явленное священно. Нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога, но всякая власть отъ Бога,—говоритъ св. писаніе, и эти слова заключаютъ въ себѣ глубокую мысль и непреложную истину". Царь, по ученію Бѣлинскаго, является намѣстникомъ Божіимъ, а царская власть, замыкающая въ себѣ всѣ частныя воли, есть преобразованіе единодержавія вѣчнаго и довременнаго разума. Президентъ Соединенныхъ Штатовъ есть особа почтенная, но не священная: какъ представитель общества по условію самого общества, онъ есть высшій чиновникъ его, на которомъ лежитъ бо́льшая противъ другихъ отвѣтственность и который за то пользуется бо́льшимъ противъ другихъ жалованьемъ и почетомъ, а не царь, который выше суда человѣческаго и съ которымъ подданные свя-

заны кровными неразрывными узами духа и нравственнаго закона. Личность президента есть призракъ, дѣйствительно одно званіе его, и потому тотъ или другой — все равно. Имя монарха для подданныхъ есть слово мистическое, таинственное, священное. Въ этихъ же статьяхъ о Бородинской годовщинѣ и Менцелѣ оправдалъ Бѣлинскій во имя мудрости вѣчной идеи самыя печальныя минуты и всеобщей и русской исторіи, и сожженіе Омаромъ великой библіотеки, и бѣдствія наполеоновскихъ войнъ, и крушеніе цивилизацій, и изувѣрства варваровъ, и жестокость Петра, казнившаго сына. „Великій подвигъ великаго человѣка!“ — торжественно восклицаетъ онъ по поводу этой казни. „—Міръ объективный побѣдилъ міръ субъективный, общее побѣдило частное!“

Могъ ли Бѣлинскій долго оставаться при своемъ заблужденіи? Могло ли его пламенное сердце не почувствовать, кому служило философско-эстетическое зданіе, воздвигнутое имъ? И не должны ли мы благословлять эти заблужденія великаго ума за то, что они дали возможность ему съ началомъ просвѣтлѣнія уничтожить не только позорные практическіе выводы, но и срыть до основанія философскія твердыни, на которыя опирались эти выводы.

Хорошо извѣстны тѣ причины, которыя

привели Бѣлинскаго къ перелому. Это была прежде всего современная дѣйствительность, въ которой, при всемъ метафизическомъ ослѣпленіи Бѣлинскаго, нельзя было долго видѣть отраженія божественной гармоніи. Это былъ полицейско-бюрократическій строй, въ которомъ даже умъ, одержимый мистическимъ преклоненіемъ передъ властью, не могъ не одурѣть отъ картинъ произвола и насилія. Это была та эпоха, когда высокопоставленные администраторы засѣкали бѣдныхъ людей, приходившихъ къ нимъ за полученіемъ ничтожной суммы долга; когда цензора не пропускали даже извѣстій о томъ, что въ Сибири ѣздятъ на собакахъ, требуя удостовѣренія министерства внутреннихъ дѣлъ; когда на одну изъ университетскихъ каѳедръ профессоромъ былъ назначенъ приставъ, а въ другомъ университетѣ профессоръ математики сообщалъ слушателямъ, что „гипотенуза въ прямоугольномъ треугольникѣ есть символъ срѣтенія правды и мира, правосудія и любви, черезъ ходатая Бога и человѣковъ, соединившаго горнее съ дольнимъ, небесное съ земнымъ“. Въ то время какъ Бѣлинскій съ высотъ метафизики любовался на гармонію, разлитую въ этой увлекательной дѣйствительности,—Герценъ испытывалъ на себѣ тяжесть существующаго режима и томился въ ссылкѣ. Столкновеніе съ Герце-

номъ не могло не имѣть вліянія на Бѣлинскаго. Его литературная дѣятельность, открывшаяся „Литературными мечтаніями“ въ 1834 году и закончившаяся вмѣстѣ съ его послѣднимъ издыханіемъ въ 1848 году, разбивается на два отдѣла, гранью между которыми можно считать 1840 годъ. Въ 40-хъ годахъ Бѣлинскій живетъ и пишетъ уже въ практическомъ Петербургѣ, покинувъ мечтательную и всегда теоретизирующую Москву. Петербургъ, Герценъ, собственный общественный инстинктъ, картины безправія, особенно ярко бросавшіяся въ глаза въ центрѣ бюрократическаго міра, — все подготовило „великое отреченіе“ Бѣлинскаго и дало намъ того великаго писателя, какимъ онъ перешелъ въ сознаніе потомства.

Вотъ что пишетъ Бѣлинскій въ письмѣ отъ 13-го іюня 1840 года: „Въ Петербургѣ съ необитаемаго острова я очутился въ столицѣ, журналъ поставилъ меня лицомъ къ лицу съ обществомъ,—и Богу извѣстно, какъ много перенесъ я! Для тебя еще не совсѣмъ понятна моя вражда къ *москводушію*, но ты смотришь на одну сторону медали, а я вижу обѣ. Меня убило это зрѣлище общества, въ которомъ властвуютъ и играютъ роли подлецы и дюжинныя посредственности, а все благородное и даровитое лежитъ въ позорномъ бездѣйствіи на необитаемомъ островѣ...

Отчего же европеецъ въ страданіи бросается въ общественную дѣятельность и находитъ въ ней выходъ изъ самаго страданія?“ Великія слова, поучительныя мысли, сохраняющія все свое трагическое значеніе для нашихъ дней. Неужели русскому обществу снова предстоитъ пройти путь мистицизма и идеалистическихъ фантазій, для того чтобы прійти въ итогѣ къ этимъ двумъ простымъ и яснымъ словамъ: „общественная дѣятельность“. Неужели вновь и вновь искреннимъ умамъ предстоитъ повторять этотъ мучительный возгласъ: „Богу извѣстно, какъ много перенесъ я!“, и уроки прошлаго пропадутъ напрасно, и исторія насъ ничему не научитъ. Три четверти вѣка назадъ Бѣлинскій понялъ то, что до сихъ поръ не могутъ понять наши мистики и богоискатели, именно, что Абсолютное и всякія гармоніи сами по себѣ, а мерзости нашей дѣйствительности сами по себѣ, что можно сколько угодно фантазировать насчетъ прелестей Абсолютнаго и никому не станетъ легче отъ этого, что если „все субстанціальное“ въ нашемъ народѣ велико, необъятно, то „опредѣленіе гнусно, грязно, подло“: что есть, то разумно, „да и палачъ вѣдь есть же и существованіе его разумно и дѣйствительно, но онъ, тѣмъ не менѣе, гнусенъ и отвратителенъ“. Вотъ тѣ знаменитыя строки, въ которыхъ Бѣлинскій

разсказалъ о безсмертномъ подвигѣ своего отреченія: „Что мнѣ въ томъ, что живетъ общее, когда страдаетъ личность? Что мнѣ въ томъ, что геній на землѣ живетъ въ небѣ, когда толпа валяется въ грязи? Что мнѣ въ томъ, что *я* понимаю идею, что мнѣ открытъ міръ идеи въ искусствѣ, въ религіи, въ исторіи, когда я не могу этимъ дѣлиться со всѣми, кто долженъ быть моими братьями по человѣчеству, моими ближними во Христѣ, но кто—мнѣ чужіе и враги по своему невѣжеству? Что мнѣ въ томъ, что для избранныхъ есть блаженство, когда бо́льшая часть и не подозрѣваетъ его возможностей? Прочь же отъ меня блаженство, если оно — достояніе мнѣ одному изъ тысячъ! Не хочу я его, если оно у меня не общее съ меньшими братьями моими. Сердце мое обливается кровью и судорожно сжимается при взглядѣ на толпу и ея представителей. Горе, тяжелое горе овладѣваетъ мною при видѣ и босоногихъ мальчишекъ, играющихъ на улицѣ въ бабки, и оборванныхъ нищихъ, и пьянаго извозчика, и идущаго съ развода солдата, и бѣгущаго съ портфелемъ подъ-мышкой чиновника, и довольнаго собой офицера, и гордаго вельможи... *Я ожесточенъ противъ всѣхъ субстанціальныхъ началъ, связывающихъ въ качествѣ вѣрованій волю человѣка:* Отрицаніе—мой Богъ! Въ исторіи—

мои герои-разрушители стараго — Лютеръ, Вольтеръ, энциклопедисты, террористы, Байронъ (Каинъ) и т. п. Разсудокъ для меня теперь выше разумности (разумѣется—непосредственной), и потому мнѣ отраднѣе кощунства Вольтера, чѣмъ признаніе авторитета религіи, общества, кого бы то ни было!".

V.

Такъ кончился періодъ метафизическаго безумія и позорнаго общественнаго индифферентизма, началась эпоха великой общественной борьбы. И какъ въ первый періодъ философско-эстетическая система Бѣлинскаго была въ сущности теоретическимъ обоснованіемъ его реакціоно-монархическихъ воззрѣній, такъ теперь для его прогрессивныхъ и спеціально-политическихъ взглядовъ неизбѣжной теоретической предпосылкой явилось научно-реалистическое міросозерцаніе.

Онъ понялъ прежде всего, что тамъ, въ высотѣ нѣтъ ничего, нѣтъ той Вѣчной идеи, дыханіе которой чудилось ему раньше во всѣхъ явленіяхъ видимой дѣйствительности. Онъ понялъ, что „этотъ голубой куполъ, плѣняющій глаза поэта, не существуетъ въ дѣйствительности, но есть произведеніе его же собственнаго зрѣнія, ставшаго центромъ видимой имъ сферической окружности; что тамъ, на высотѣ, куда ему такъ хочется, и пусто, и холодно, и нѣтъ воздуха для дыханія, что отъ звѣзды до звѣзды и въ тысячу

лѣтъ не долетишь на лучшемъ аэростатѣ... То ли дѣло земля!—на ней намъ и свѣтло, и тепло, все наше, все близко и понятно намъ, на ней наша жизнь и наша поэзія... Зато кто отворачивается отъ нея, не умѣя понимать ее, тотъ не можетъ быть поэтомъ и можетъ ловить въ холодной высотѣ однѣ холодныя и пустыя фразы". И это пишетъ тотъ самый Бѣлинскій, который за десять лѣтъ до того утверждалъ, что звѣзда не что иное, какъ сердце великаго тѣла, въ которое заключена душа вселенной, млечные пути—жилы, эфиръ — кровь этого великаго одухотвореннаго организма. Теперь онъ знаетъ, что эти связи, усмотрѣнныя „пламеннымъ чувствомъ смертнаго" не что иное, какъ „холодныя и пустыя фразы", что эти звѣзды отдѣлены другъ отъ друга огромными холодными и пустыми пространствами, что этимъ громадамъ, механически вращающимся нѣтъ никакого дѣла до земли и ея обитателей, до ихъ „пламенныхъ чувствъ" и „свѣтлыхъ мгновеній".

Какъ только исчезъ этотъ дикій фантомъ Вѣчной идеи,—вмѣстѣ съ нимъ разсѣялись, какъ облако, и всѣ остальные призраки и химеры, мутившіе благородную мысль Бѣлинскаго, — и природа, и исторія, и народъ, и искусство, и очередныя задачи, стоявшія передъ русскимъ обществомъ,—всѣ эти прежде

нелѣпыя мистическія чудища приняли ясныя очертанія, стали элементомъ новой великой системы. Новая армія идей вела Бѣлинскаго къ новой цѣли, опредѣляла святой путь страданій и героической борьбы, лежавшій передъ мыслящей личностью. Со всѣхъ сторонъ новыя идеи обосновали великое дѣло борьбы за освобожденіе русскаго народа.

Онъ разстается съ умозрѣніемъ, съ прежней вѣрой въ непреложность и абсолютный характерь его заключеній. Онъ знаетъ теперь, что истины условны, что каждая истина имѣетъ значеніе и дѣйствительна только въ той обстановкѣ, въ которой возникла. Непреложной истиной теперь онъ считаетъ только фактъ отсутствія непреложныхъ истинъ. Онъ знаетъ теперь, что „безусловный, или абсолютный способъ сужденія есть самый легкій, но зато и самый ненадежный“. Онъ, раньше заявлявшій, что изъ двухъ методовъ—*a priori* и *a posteriori*—слѣдуетъ держаться перваго, потому что необходимо факты объяснять мыслью, а не мысль выводить изъ фактовъ (въ статьѣ „О системѣ нравственной философіи“ Дроздова), — онъ знаетъ теперь, что апріорный методъ является источникомъ заблужденій, и въ статьѣ „Сельское чтеніе“ (1848 г.) восклицаетъ: „Только люди, дѣтски вѣрующіе въ непреложность апріорныхъ теорій и не признающіе доказательной силы

фактовъ, могутъ думать, что реформа Петра не коснулась народа, и если зацѣпила его, то чисто внѣшнимъ образомъ". Эти слова пишетъ тотъ самый Бѣлинскій, который четырнадцать лѣтъ тому назадъ въ „Литературныхъ мечтаніяхъ" увѣрялъ, что реформа Петра именно только внѣшнимъ образомъ повліяла на русскій народъ, что „занявъ формы европеизма, онъ сдѣлался только пародіей европейца", что „масса народа упорно осталась тѣмъ, чѣмъ и была". Такъ новымъ свѣтомъ озаряются всѣ явленія дѣйствительности, какъ только умъ отказывается отъ умозрительныхъ и апріорныхъ построеній и обращается къ единственной надежной первоосновѣ всякаго знанія—къ факту.

Измѣнились историческія представленія Бѣлинскаго. Представленіе о народѣ, какъ о мистическомъ орудіи Абсолютнаго Разума, смѣняется новымъ научнымъ представленіемъ о національности, какъ о „самобытномъ результатѣ соединенія людей". И исторія начинаетъ представляться Бѣлинскому не процессомъ для раскрытія и самопознанія вѣчной идеи, а естественной эволюціей, ходъ которой опредѣляется данными дѣйствительности. Великія событія въ родѣ Петровской реформы представляются ему слишкомъ значительными въ жизни народа, для того, чтобы быть случайными. Жизнь народа не есть

утлая лодочка, которой каждый можетъ давать произвольное направленіе легкимъ движеніемъ весла. „Вмѣсто того, чтобы думать о невозможномъ и смѣшить всѣхъ на свой счетъ самолюбивымъ вмѣшательствомъ въ историческія судьбы, гораздо лучше, признавши неотразимую и неизмѣнную дѣйствительность существующаго, дѣйствовать на его основаніи, руководясь разумомъ и здравымъ смысломъ, а не маниловскими фантазіями".

Эта общая перемѣна исторической концепціи Бѣлинскаго заставляетъ его иными глазами взглянуть на прошлое русскаго народа и на сущность его національнаго характера. Вотъ что писалъ по этому поводу Бѣлинскій въ „Литературныхъ мечтаніяхъ": „На востокѣ Европы, на рубежѣ двухъ частей міра, провидѣніе поселило народъ, рѣзко отличающійся отъ своихъ западныхъ сосѣдей. Его колыбелью былъ свѣтлый Югъ; мечъ азіатца-русса далъ ему имя; издыхающая Византія завѣщала ему благодатное Слово спасенія; оковы татарина связали крѣпкими узами его разъединенныя части; рука хановъ спаяла ихъ его же кровью; Іоаннъ III научилъ его бояться, любить и слушаться своего царя, заставилъ его смотрѣть на царя какъ на провидѣніе, какъ на верховную судьбу, карающую и милующую по единой своей волѣ и признающую надъ собою единую Божью

волю... Крѣпко стоялъ онъ за церковь Божію, за вѣру праотцовъ, непоколебимо былъ вѣренъ батюшкѣ-царю православному, его любимая поговорка была: „мы всѣ Божіи да царевы"; Богъ и царь, воля Божья и воля царева слились въ его понятіи воедино. Свято хранилъ онъ простые и грубые нравы прадѣдовъ и отъ чистаго сердца почиталъ иноземные обычаи дьявольскимъ навожденіемъ". Это представленіе о русскомъ народѣ, какъ народѣ съ двучленной формулой: „Богъ и царь", съ мистической экзальтаціей, съ національной нетерпимостью, съ беззавѣтной любовью и преданностью своимъ владыкамъ, — это представленіе къ концу жизни Бѣлинскаго смѣняется прямо противоположнымъ взглядомъ на русскую исторію, русскій народъ и его православно-самодержавную сущность. Вотъ что пишетъ Бѣлинскій въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю: „Приглядитесь попристальнѣе и вы увидите, что это (т.-е. русскій народъ) по натурѣ глубоко атеистическій народъ. Въ немъ еще много суевѣрія, но нѣтъ и слѣда религіозности. Суевѣріе проходитъ съ успѣхами цивилизаціи, но религіозность часто уживается съ ними; живой примѣръ Франція, гдѣ и теперь много искреннихъ католиковъ между людьми просвѣщенными и образованными и гдѣ многіе, отложившись отъ христіанства,

все еще упорно стоятъ за какого-то Бога. Русскій народъ не таковъ; мистическая экзальтація не въ его натурѣ; у него слишкомъ много для этого здраваго смысла, ясности и положительности въ умѣ, и вотъ въ этомъ-то, можетъ быть, огромность историческихъ судебъ его въ будущемъ. Религіозность не прививалась въ немъ даже къ духовенству, ибо нѣсколько отдѣльныхъ исключительныхъ личностей, отличавшихся такой холодной аскетической созерцательностью, ничего не доказываютъ. Большинство же нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, схоластическимъ педантствомъ да дикимъ невѣжествомъ. Его грѣхъ обвинить въ религіозной нетерпимости и фанатизмѣ, его скорѣе можно похвалить за образцовый индифоферентизмъ въ дѣлѣ вѣры. Религіозность проявилась у насъ только въ раскольничьихъ сектахъ, столь противоположныхъ по духу своему массѣ народа и столь ничтожныхъ передъ ней числительно. Не буду распространяться о вашемъ дифирамбѣ любовной связи русскаго народа съ его владыками. Скажу прямо: этотъ дифирамбъ ни въ комъ не встрѣтилъ себѣ сочувствія и уронилъ васъ въ глазахъ даже людей, въ другихъ отношеніяхъ очень близкихъ къ вамъ по ихъ направленію. Что касается до меня лично, предоставляю вашей совѣсти

упиваться созерцаніемъ божественной красоты самодержавія (оно покойно, да и выгодно), только изъ вашего прекраснаго далека: вблизи-то оно не такъ прекрасно и не такъ безопасно“.

Снова яркая картина переворота во мнѣніяхъ Бѣлинскаго! Русскій народъ,—воплощеніе формулы: Богъ и царь, — сталъ во мнѣніи Бѣлинскзго народомъ атеистическимъ, народомъ, о любовной связи котораго съ его владыками даже говорить не стоитъ. Бѣлинскій, объявлявшій царя существомъ мистическимъ, а власть его священной, самъ упивавшійся „созерцаніемъ божественной красоты самодержавія“, не находитъ достаточно рѣзкихъ словъ, чтобы осудить великаго писателя, который кончилъ тѣмъ, чѣмъ началъ Бѣлинскій. И снова предъ нами поучительный урокъ, снова Бѣлинскій самъ устанавливаетъ нерасторжимую связь между мистическими ученіями и реакціей, между религіозностью, даже искреннею и холопствомъ. „.... постигаетъ человѣка (даже порядочнаго) болѣзнь, извѣстная у врачей психіатровъ подъ именемъ religiosa mania, онъ тотчасъ же земному богу подкуритъ болѣе, нежели небесному, да еще такъ хватитъ черезъ край, что тотъ и хотѣлъ бы его наградить за рабское усердіе, да видитъ, что этимъ скомпрометтировалъ бы себя въ глазахъ общества“.

„Вспомнилъ я еще,—говоритъ въ томъ же письмѣ Бѣлинскій,—что въ вашей книгѣ вы утверждаете за великую и неоспоримую истину, будто простому народу грамота не только не полезна, но положительно вредна. Что сказать вамъ на это? Да проститъ васъ вашъ византійскій богъ за эту византійскую мысль, если только, передавши ее бумагѣ, вы не знали, что говорили...“. А между тѣмъ далекъ ли былъ Бѣлинскій отъ этихъ идей самъ, когда утверждалъ, что мужику не должно знать того, что знаемъ мы?

Такъ, призраки, затуманившіе умъ Бѣлинскаго, разсѣялись одинъ за другимъ, какъ только исчезъ главный фантомъ, въ видѣ Абсолютнаго Разума.

Но самый рѣзкій переломъ произошелъ во взглядѣ Бѣлинскаго на искусство и поэзію. Изъ посредницы между міромъ призраковъ и міромъ дѣйствительнымъ литература становится могучей союзницей науки и публицистики. Раньше она была для Бѣлинскаго одной изъ ступеней, по которымъ можно было взобраться къ высотамъ, гдѣ обитала Вѣчная идея. Теперь у нея общая задача съ наукой: она должна правильно освѣщать факты и дѣлать вытекающіе изъ нихъ выводы. Различіе между наукой и искусствомъ вовсе не въ содержаніи, а только въ способѣ обрабатывать данное содержаніе,—гово-

ритъ Бѣлинскій въ статьѣ „Взглядъ на русскую литературу 1847 года“: „Философъ говоритъ силлогизмами, поэтъ — образами и картинами, а говорятъ оба они одно и то же. Политико экономъ, вооружась статистическими числами, *доказываетъ*, дѣйствуя на умъ своихъ читателей или слушателей, что положеніе такого-то класса много улучшилось или много ухудшилось вслѣдствіе такихъ-то и такихъ-то причинъ. Поэтъ, вооружаясь живымъ и яркимъ изображеніемъ дѣйствительности, *показываетъ* въ вѣрной картинѣ, дѣйствуя на фантазію своихъ читателей, что положеніе такого-то класса въ обществѣ много улучшилось или ухудшилось отъ такихъ-то и такихъ-то причинъ“. И такъ передъ художникомъ ставится опредѣленная задача—выяснять перемѣны, происходящія въ положеніи тѣхъ или другихъ общественныхъ группъ. Бѣлинскій въ полную противоположность своимъ прежнимъ воззрѣніямъ заявляетъ теперь, что „высочайшій и священнѣйшій интересъ общества есть его собственное благосостояніе, равно простертое на каждаго изъ его членовъ“. Путь къ этому благосостоянію — сознаніе, а сознанію искусство можетъ содѣйствовать не меньше науки.

На смѣну прежней романической теоріи искусства Бѣлинскій создаетъ новую стройную теорію натурализма. Онъ порывалъ на-

всегда съ старыми представленіями. Поэзія должна покончить съ своей старой ролью игрушки, должна прекратить свое служеніе призракамъ. Передъ обществомъ стоятъ слишкомъ серьезныя задачи въ дѣлѣ улучшенія жизни, чтобы кто-нибудь, обладая творческимъ даромъ, могъ отрѣшиться отъ главной задачи всякаго творчества,—и научнаго, и художественнаго, и публицистическаго: изслѣдованія и истолкованія дѣйствительности. Старая піитика,—говоритъ Бѣлинскій,—позволяетъ изображать все, что вамъ угодно, но только предписываетъ при этомъ изображаемый предметъ такъ украсить, чтобы не было никакой возможности узнать, что̀ вы хотѣли изобразить. Натуральная школа слѣдуетъ совершенно противному правилу; возможно близкое сходство изображаемыхъ ею лицъ съ ихъ образцами въ дѣйствительности не составляетъ въ ней всего, но есть первое ея требованіе, безъ выполненія котораго уже не можетъ быть въ сочиненіи ничего хорошаго. Чисто научная правдивость и точность въ изображеніи дѣйствительности — таково первое условіе истиннаго творчества. Всесторонность захвата жизни — ея второе условіе. Дѣло поэзіи не только въ томъ, чтобы точно воспроизвести изображаемое явленіе. Ея обязанность—не оставить ни одного явленія безъ вниманія. Прежняя поэзія

любила только красивое и пріятное. Она поучала забавляя, заставляла читателя забывать о тягостяхъ и страданіяхъ жизни, представляла ему только картины пріятныя и смѣющіяся. Даже бѣдность прежніе поэты представляли умытую и опрятную, выражающуюся скромно и благородно. А теперь: мужики въ лаптяхъ и сермягахъ, часто отъ нихъ несетъ сивухою, баба—родъ центавра; углы — убѣжища нищеты, отчаянія и разврата, до которыхъ надо доходить по двору грязному по колѣни; какой-нибудь пьянюшка-подъячій или учитель изъ семинаристовъ, выгнанный изъ службы,— все это списывается съ натуры, въ наготѣ страшной истины, такъ что, если прочтешь, жди ночью тяжелыхъ сновъ. Поэзія перестала безстыдно лгать, изъ дѣтской сказки превратилась въ быль, не всегда пріятную, отказалась быть гремушкою, подъ которую дѣтямъ пріятно и прыгать и засыпать.

Какъ просто и геніально разрѣшенъ вопросъ о тенденціозномъ и чистомъ искусствѣ! Будьте только вѣрны жизни, изображайте ее всю и изображайте таковой, какова она въ дѣйствительности,—и ваши творенія будутъ одновременно и истинными перлами чистаго искусства, и громомъ революціонной трубы. Ботаникъ одинаково интересуется и садовыми, улучшенными искусствомъ расте-

ніями и ихъ полевыми дикорастущими первообразами. Для анатома и физіолога организмъ дикаго австралійца такъ же интересенъ, какъ и организмъ просвѣщеннаго европейца. И эта объективность, это безразличіе ученыхъ является въ то же время величайшимъ стимуломъ вѣчнаго мятежа, вѣчнаго движенія впередъ, орудіемъ борьбы съ больными силами природы и могучей опоры всѣхъ свѣтлыхъ прогрессивныхъ силъ, предназначенныхъ къ жизни и расцвѣту. Велика заслуга Бѣлинскаго, который впервые въ русской и даже въ европейской (его теорія натурализма появилась до „Эксперимментальнаго романа“ Зола) литературѣ провозгласилъ это единство между научнымъ мышленіемъ съ одной стороны и прогрессомъ и правдой—съ другой; впервые такъ ясно и убѣдительно доказалъ, что и искусству не уйти отъ общаго закона, что и оно должно вступить въ общій фазисъ умственнаго развитія, въ который вступаетъ цивилизованное человѣчество. Бѣлинскій выяснилъ, что романтизмъ, поэзія, устремляющаяся къ небу, въ самыхъ глубокихъ основахъ своихъ есть поэзія сытыхъ и угнетающихъ. А поэзія земли, поэзія реальная и научная, — естественная союзница угнетенныхъ и голодныхъ. Какими бы красивыми словами объ истинномъ и самодовлѣющемъ искусствѣ ни запутывали

вопросъ эстеты, какъ бы ни молились Абсолюту мистики и метафизики,—послѣ безсмертнаго подвига Бѣлинскаго, послѣ его великой душевной трагедіи нѣтъ больше сомнѣній на этотъ счетъ. „Такъ, милый, добрый сибаритъ, для твоего спокойствія и книги должны лгать и бѣдный забывать свое горе, голодный свой голодъ, стоны страданій должны долетать до тебя музыкальными звуками, чтобы не испортился твой аппетитъ, не нарушился твой сонъ". Какъ просто и глубоко вскрыта матеріальная подкладка всѣхъ видовъ романтизма! „Аппетитъ" и „сонъ"! Пусть негодуютъ эстеты и идеалисты. Пламенный великій умъ прикрѣпилъ ихъ старую красивую ложь къ ея истинному грубому корню.

Приведемъ въ заключеніе два знаменитыхъ завѣта Бѣлинскаго.

Одинъ — русской общественной мысли: „Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ аскетизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности. Ей нужны не проповѣди (довольно она слышала ихъ!), не молитвы (довольно она твердила ихъ!), а пробужденіе въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ потеряннаго въ грязи и сорѣ, — права и законы, сообразные не съ ученіемъ церкви, а съ здравымъ смысломъ и справедливостью, и строгое по возможности

ихъ исполненіе. А вмѣсто этого она представляетъ собою ужасное зрѣлище страны, гдѣ люди торгуютъ людьми... страны, гдѣ люди сами себя называютъ не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Стешками, Палашками; страны, гдѣ, наконецъ, нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромныя корпораціи разныхъ служебныхъ воровъ и грабителей". И можетъ ли русское общество измѣнить этому завѣту, пока онъ не станетъ совершеннымъ архаизмомъ и страшныя мысли, заключающіяся въ немъ, не станутъ кошмарнымъ прошлымъ?

Другой—русской литературѣ: „Вы,—пишетъ Бѣлинскій Гоголю,—сколько я вижу, не совсѣмъ хорошо понимаете русскую публику. Ея характеръ опредѣляется положеніемъ русскаго общества, въ которомъ кипятъ и рвутся наружу свѣжія силы, но сдавленныя тяжелымъ гнетомъ, не находя исхода, производятъ только уныніе, тоску и апатію. Только въ одной литературѣ, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движеніе впередъ. Вотъ почему званіе писателя у насъ такъ почтенно, почему у насъ такъ легокъ литературный успѣхъ даже при маленькомъ талантѣ. Титло поэта, званіе литератора у насъ давно уже затмило мишуру эполетъ и

разноцвѣтныхъ мундировъ. И вотъ почему у насъ въ особенности награждается общимъ вниманіемъ всякое такъ-называемое либеральное направленіе, даже и при бѣдности таланта, и почему такъ скоро падаетъ популярность великихъ талантовъ, искренно или неискренно отдающихъ себя въ услуженіе православію, самодержавію и народности!... И публика тутъ права: она видитъ въ русскихъ писателяхъ своихъ единственныхъ вождей, защитниковъ и спасителей... и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не проститъ ему зловредной книги...".

Великіе завѣты, которымъ неизмѣнно слѣдуетъ русское общество и русская литература и которымъ не поколебали недавнія оргіи модернизма и мистицизма! Залогъ свѣтлаго будущаго скрытъ въ томъ фактѣ, что столѣтнюю годовщину со дня рожденія самаго пламеннаго мученика мысли и слова мы встрѣчаемъ подъ знаменемъ его непоколебленныхъ идеаловъ. Счастливъ народъ, среди котораго жилъ и писалъ Бѣлинскій. Но горе народу, который могъ бы забыть, что среди него жилъ и писалъ Бѣлинскій...

Изданія мартъ—апрѣль 1911 г.

П. Коганъ. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Т. I. В. I. *Николаевская эпоха. Западныя вліянія: сенъ-симонизмъ и гегеліанство. Бѣлинскій. Три главныхъ направленія въ русской литературѣ 40-хъ гг.: оффиціальн. народность, славянофильство и западничество. Булгаринъ. Хомяковъ. Кирѣевскіе. Аксаковъ. Чаадаевъ. Герценъ.* Изд. III. Ц. 1 р.

— Очерки по исторіи новѣйш. русск. литературы. Т. III. Современникъ. В. I. *Купринъ. Арцыбашевъ. Сологубъ. Юшкевичъ, Телешевъ и др.* Изд II. Ц. 1 р.

— Очерки по исторіи западно европейск. литературъ. Т. I. В. I. *Средніе вѣка Данте. Эпоха Возрожденія. Сервантесъ. Шекспиръ. Ложноклассн. направл. и начало націонализма. Мильтонъ. Локкъ. Корнель. Мольеръ. Просвѣтительн. и сантиментальн. направленіе. Нѣмецк. литература въ XVIII в. Лессингъ. Гёте. Шиллеръ. Романтизмъ и поэзія „міровой скорби“. Новалисъ. Байронъ.* Изд. VI. Ц. 1 р. 50 к.

— Бѣлинскій и его время Ц. 70 к.

— Бѣлинскій (Для народа и школъ). Ц. 30 к.

Ихоровъ. Записки самоубійцы. Ц. 1 р.

Фридрихъ Ницше. Ecce homo. (Въ первый разъ на русск. яз.). *Пер. Я. Данилина.* Ц. 1 р.

Вл. Ленскій. Собр. соч. Т. II. За счастье. Ром. Ц. 1 р.

Генрихъ Сенкевичъ. Въ пустынѣ и пущѣ. Пов. Пер. *W. В.* Ч. II. Ц. 1.

Казиміръ Тетмайеръ. Игра волнъ. Ром. Пер. *В. О. Блажеевича.* Ц. 1 р.

Вилье де-Лиль Аданъ. Собр. соч. Т. III. Ева будущаго. Ром. Пер. *М. А. Татариновой.* Ч. II. Ц. 1 р.

Коринъ Михаэлисъ. Собр. соч. Т. II. *Бетти Роза.* (Изъ записокъ проститутки). Ц. 1 р.

Габріэль Запольская. Собр. соч. Т. III. Смерть Дульскаго. Пов. Пер. *А. Е. Ар—скаго.* Ц. 70 к.

— Т. IV. Сезонная любовь. Ром. Пер. *А. Е. Ар—скаго.* Ч. I. Ц. 1 р.

I. А. Любичъ-Кошуровъ. Потѣшная рота. Пов. Съ рис. худож. *А. В. Ложкина.* Ц. 1 р.

Изданія 1911 г.

П. Коганъ. Очерки по исторіи западно-европейск. литературъ. Т. III. В. I. *Соціальн. подкладка соврем. поэзіи. Максъ Штирнеръ. Ницше. Ибсенъ. Метерлинкъ. Шницлеръ. О. Уайльдъ.* Изд. II. Ц. 1 р. 25 к.

— Очерки по исторіи новѣйш. русск. литературы. Т. III. Современники. В. III. Мистики и богоискатели. *Мережковскій. А. Бѣлый В. Ивановъ.* Ц. 1 р.

Н. Я. Абрамовичъ. Художники и мыслители. Сборн. философск., обществ. и литератур. статей. Ц. 1 р. 25 к.

Генрихъ Сенкевичъ. Въ пустынѣ и пущѣ. Пов. Пер. *W. B.* Ч. I. Ц. 80 к.

Ст. Пшибышевскій. Сумерки. Послѣдній романъ. Единств. разрѣш. авторомъ перев. съ рукописи В. *Блажеевича.* Ч. I. Ц. 1 р. Ч. II. 1 р. 25 к.

— Пиръ жизни. Драма въ 4-хъ дѣйств. Пер. *Я. Данилина.* Ц. 80 к.

Вилье де-Лиль-Аданъ. Собр. соч. Т. II. Ева будущаго. Ром. Пер. *М. А. Татариновой.* Ч. I. Ц. 1 р.

Габріэль Запольская. Собр. соч. Т. I. То, о чемъ не говорятъ. Пов. Пер. *А. Е. Ар—скаго.* Ч. I. Ц. 1 р.

— Т. II. То, о чемъ не говорятъ. Ч. II. Ц. 1 р.

I. А. **Любичъ-Кошуровъ.** Партизаны 1812 г. Пов. Съ рис. художн. *П. В. Абрамова.* Ц. 80 к.

Самоубійство. Сборн. статей *проф. Н. И. Карѣева, еп. Михаила, Ю. Айхенвальда,* В. *Розанова, А. Луначарскаго, Н. Абрамовича* и *Иванова-Разумника.* Ц. 1 р.

Грѣхъ. Сборникъ разсказовъ, стихотвореній и статей А. *Блока*, В. *Муйжеля*, М. *Кузмина*, *Н. Олигера*, *Н. Пояркова*, *Н. Абрамовича* и друг. Ц. 1 р.

Казиміръ Тетмайеръ. Наброски. Пер. В. *Блажеевича*. Ц. 75 к.

Каринъ Михаэлисъ. Опасный возрастъ. Перев. подъ редакц. и съ предисл. *Ѳ. І. Мускатблита*. Ц. 75 к.

Маргарита Оду. Марія Клеръ. Ром. Съ предисл. *Октава Мирбо*. Перев. *Жоржа Бо д'Апль*. Ц. 80 к.

Луи Перго. Отъ Гупиль до Марго. Расказы изъ жизни животныхъ. Перев. *Жоржа Бо д'Апль*. Ц. 60 к.

Юмористическая библіотека.

№ 1. **К. Макушинскій.** Веселые разсказы и романтическія исторіи. Пер. *В. Блажеевича*. Ц. 1 р.

№ 2. **Шоломъ Алейхемъ**. Юмористическіе разсказы. Перев. *Я. Данилина*. Ц. 1 р.

№ 3. **Розы и шипы.** Избр. разсказы изъ „Simplicissimus'а". Перев. *С. Бердяева*. Ц. 1 р.

№ 4. **К. Макушинскій.** Романтическія исторіи и „Въ калейдоскопѣ". Пер. *В. Блажеевича*. Ц. 1 р.

№ 5. **Маркъ Твэнъ.** Разсказы. Пер. *Я. Данилина*. Ц. 1 р.

Изданія 1909—1910 гг.

П. Коганъ. Очерки по исторіи древнихъ литературъ. Т. I. *Греческая литература*. Изданіе II. Ц. 1 р. 25 к.

П. Коганъ. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Т. I. В. II. *Кающееся дворянство. Лишніе люди. И. С. Тургеневъ. Л. Н. Толстой. Д. В. Григоровичъ.* Изд. II. Ц. 1 р.

— Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Т. III. Современники. Вып. I. *Купринъ. Арцыбашевъ. Сологубъ. Юшкевичъ. Телешевъ* и др. Изд. II. Ц. 1 р.

— Выпускъ II. *Л. Андреевъ. К. Бальмонтъ. В. Брюсовъ. И. Бунинъ. А. Блокъ* и др. Ц. 1 р.

Ю. Айхенвальдъ. Отдѣльныя страницы. Сборники педагогич., философск. и литературн. статей. В. I и II. Ц. по 1 р. 25 к.

Н. Я. Абрамовичъ. Въ осеннихъ садахъ. Сборн. критическихъ статей о современ. литературѣ. Ц. 1 р.

— Сказка о голомъ королѣ. Леонидъ Андреевъ и „Анатэма". Постановка Моск. Художественнаго театра. Ц. 35 к.

Н. Валентиновъ. Мы еще придемъ!.. О современной литературѣ. „Жизнь Человѣка" и „Царь голодъ". Ц. 35 к.

Викторъ Стражевъ. О Метерлинкѣ, Синей птицѣ и Вѣчномъ младенцѣ. Ц. 35 к.

Я. Данилинъ. Санинъ въ свѣтѣ русской критики. Ц. 35 к.

Критическіе альманахи. Кн. I. Статьи *Ю. Айхенвальда, П. Когана, Н. Абрамовича, В. Фельдмана, Г.* Брандсса, *Е. Загорскаго, Вл. Высоцкаго, Ш. Горелика.* Ц. 1 р.
Кн. II. Статьи *Ю. Айхенвальда, П. Когана,* Г. *Брандеса,* Г. *Сенкевича, В. Фельдмана, С. Рамера, I. Шлаффа.* Ц. 1 р.

Литературные портреты. Кн. Гамсунъ. М. Метерлинкъ. А. Стриндбергъ. Г. Ибсенъ. Фр. Ницше. Статьи Г. *Брандеса, Н. Абрамовича* и др. Ц. 75 к.

Юбилейный Чеховскій сборникъ. Статьи *Н. Абрамовича, А. Волынскаго, М. Невѣдомскаго,* В. *Розанова* и *Д. Философова.* Ц. 1 р.

О критикѣ и критикахъ. Ч. I. Писатели о критикѣ. Ч. II. Критики о критикахъ. Ч. III. О театральной критикѣ. Статьи *А. Куприна, Е. Чирикова, О. Дымова, Ан. Каменскаго, С. Венгерова,* К. *Чуковскаго,* К. *Станиславскаго,* Вл. *И. Немировича-Данченко, А. И. Южина-Сумбатова* и др. Ц. 75 к.

Критическая библіотека.

№ 1. **Ю. Айхенвальдъ**—Валерій Брюсовъ. Съ портр. Ц. 20 к.
№ 2. **С. Рамеръ.**—Августъ Стриндбергъ (Патологическій очеркъ). Ц. 30 к.
№ 3. **Н. Я. Абрамовичъ.**—Кнутъ Гамсунъ. Ц. 20 к..
№ 4. **Н. Я. Абрамовичъ.**—Фридрихъ Ницше. Ц. 20 к.
№ 5. **Н. Минскій.**—I. Толстой и реформація. II. Идеи «Саломеи». Ц. 20 к.
№ 6. **Зин. Венгерова.**—Анатоль Франсъ. Ц. 20 к.
№ 7. **Л. Козловскій.**—Вл. Короленко. Ц. 20 к.
№ 8. **Георгъ Брандесъ.**—Генрихъ Ибсенъ. Ц. 20 к.
№ 9. **Іосифъ Шлаффъ.**—Морисъ Метерлинкъ. Ц. 20 к.

Куда мы идемъ? Настоящее и будущее русской интеллигенціи, литературы, театра и искусства. Сборн. статей и отвѣтовъ *А. Бѣлаго,* А. *Волынскаго,* А. *Горнфельда, П. Когана, прив.-доц. Ѳ. Рыбакова,* М. *Рубинштейна, П. Д. Боборыкина, проф. М. М. Ковалевскаго, К. Кочаровскаго, проф.* А. *Кизеветтера, П. Морозова, проф. Озерова, А. И. Южина* и др. Ц. 1 р.

По вѣхамъ... Сборн, статей объ интеллигенціи и „національномъ лицѣ" *П. Милюкова, П. Струве, Н. Минскаго,* М. *Винавера, И. Жилкина, П. Боборыкина,* В. *Голубева* и др. 2-е изд. Ц. 1 р.

Н. Валентиновъ. Философскія построенія марксизма. Діалектич. матеріализмъ, эмпиріомонизмъ и эмпиріокритич. философія. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Валентиновъ. Э. Махъ и марксизмъ. *Прилож. I.* Э. Махъ. Объ отношеніи физики къ психологіи. (Изъ „L'Année Psychologique"). *Прилож. II.* Ф. Адлеръ. Открытіе міровыхъ элементовъ (По поводу 70-лѣтія рожденія Э. Маха). Примѣчанія переводчика. Ц. 60 к.

Леонардо Тарасевичъ. Пути духа и тѣла въ любви. Ц. 40 к.

Морисъ Метерлинкъ. О смерти и безсмертіи. Ключъ къ разгадкѣ „Синей птицы". Перев. *С. Л.* Предисл. *Е. Загорскаго.* Ц. 20 к.

Ст. Пшибышевскаго. Этика пола. Перев. съ рукописи Вл. Высоцкаго. Ц. 20 к.

В. Бельше. **Собраніе сочиненій**. Т. I. Религія нашего времени.— Въ нѣдрахъ земли. — Гибель міра.—Тайна южнаго полюса. Пер. *С.* М. *Чериковера и Я. Д. Мацкевича.* Ц. 1 р.

— Т. II. Пять сказокъ жизни.—Непостижимое въ природѣ.—У берега моря.—Окаменѣвшее животное и живая мысль. Пер. С. М. *Чериковера.* Ц. 1 р.

— Т. III. Гибель животнаго царства. - Зачатки культуры у животныхъ.—Языкъ обезьянъ.—Сказки о драконахъ.—Опровергнутъ ли дарвинизмъ? Пер. С. М. *Чериковера.* Ц. 1 р.

— Т. IV. Тайна одного растенія.—Продолжительность существованія жизни на землѣ.—Кухня первобытнаго времени.—Вейсманъ и дарвинизмъ. Пер. С. М. *Чериковера.* Ц. 1 р.

Генрихъ Сенкевичъ. Въ омутѣ жизни. Романъ изъ соврем. жизни. Перев. *Я. Д. Мацкевича* и *W.* В. Ч. I. Ц. 1. Ч. II. 80 к. Ч. III 1. р.

— Судъ Озириса. Переводъ *Я. Мацкевича* и *И. Хвойника.* Ц. 65 к.

Ст. Пшибышевскій. У моря. Перев. *Я. Мацкевича.* Прилож.: Премиров. на конкурсѣ им. Г. Сенкевича критическій очеркъ о Ст. Пшибышевскомъ. *С. Бѣтковскаго.* Ц. 35 к.

— Тиртей. Перев. подъ ред. Я. Мацкевича. Ц. 35 к.

Вилье де-Лиль-Аданъ. Собр. соч. Т. I. Новые жестокіе разсказы. Перев. С. М. *Чериковера.* Ц. 1 р.

Вл. Ленскій. Собр. соч. Т. I. Разсказы. Ц. 1 р.

Женщина. Литературно-художеств. альманахъ. Кн. I. Разсказы и статьи *О. Дымова, А. Каменскаго, Б. Зайцева, Вл. Ленскаго, К. Макушинскаго, В. Розанова, Н. Абрамовича* и др. Ц. 1 р. 25 к.

Оскаръ Уайльдъ. Портретъ мистера W. H. Пер. съ англ. С. А. Бердяева. Приложеніе: статьи и письма О. Уайльда въ защиту „Портрета Доріана Грея". Ц. 45 к.

— Преступленіе лорда Артура Савиля. Ц. 35 к.

— Нигилисты. Пьеса изъ русской жизни въ 3-хъ д. съ прологомъ. Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ въ 1800 г. Переводъ съ англ. Н. Соколова. Ц. 40 к.

Кнутъ Гамсунъ. Борющіяся силы. Пер. *Я. Мацкевича.* Прилож.: Критическій очеркъ о Кн. Гамсунѣ *Георга Брандеса.* Ц. 35 к.

Октавъ Мирбо. Война. Перев. *С. Л.* Критическій очеркъ объ Окт. Мирбо *Н. Я. Абрамовича.* Ц. 35 к.

Авг. Стриндбергъ. Соната призраковъ. Перев. С. Б. Ц. 35 к.

Айседора Дунканъ. Танецъ будущаго. Ц. 20 к.

„Библіотека для всѣхъ“.

(Цѣна каждаго № — 10 к.).

№ 1. *Кнутъ Гамсунъ.*—**У царскихъ вратъ** (Распродано).
№ 2. *Габріэль д'Аннунціо.* — **Франческа да-Римини** (Распродано).
№ 3. *Кнутъ Гамсунъ.*—**Трагедіи любви.** 2-е изд.
№ 4. *Оскаръ Уайльдъ.*—**Эстетическій манифестъ.** 2-е изданіе.
№ 5. *Кнутъ Гамсунъ.*—**Бродяги.** Пер. С. А. Бердяева.
№ 6. *Ст. Пшибышевскій.*—**По стопамъ Каина.** Пер. съ польскаго Я. Мацкевича съ критич. оч. о Ст. Пшибышевскомъ. Вильг. Фельдмана.
№ 7—8. *Ст. Пшибышевскій.*—**Сыны земли.** Полный перев. съ польск. подъ ред. Вл. Высоцкаго.
№ 8—9. *Генрикъ Ибсенъ.*—**„Брандъ“.**Драматич. поэма въ 5 дѣйств. Переводъ въ стихахъ С. Бердяева и Ѳ. Благова. Прилож.: Критическій очеркъ о „Брандѣ“ Георга Брандеса.
№ 11. *Ст. Пшибышевскій.*—**У моря.** Переводъ Я. Мацкевича. Прилож.: премиров. на конкурсѣ критич. очеркъ о Ст. Пшибышевскомъ.
№ 12. *Кнутъ Гамсунъ.*—**Борющіяся силы.** Переводъ Я. Мацкевича. Приложеніе: критич. очеркъ о К. Гамсунѣ изъ „Литературы“. Г. Брандеса.
№ 13. *Ст. Пшибышевскій.*—**De profundis.** Перев. съ польск. подъ ред. Я. Мацкевича.
№ 17. *Казимиръ Тетмайеръ.*—**Карпатскіе разсказы.** Перев. съ польск. Евг. Загорскаго.
№ 18. Г. *Уэльсъ.*—**Черный страхъ.** Перев. съ англ. Л. С. Приложеніе: критич. очеркъ о Г. Уэльсѣ Н. Я. Абрамовича.
№ 19. *Кнутъ Гамсунъ.*—**Тайное горе.** Перев. Евг. Д.
№ 20. *Кнутъ Гамсунъ.*—**Дама изъ Тиволи. Энъ-Тру.** Перев. Евг. З.
№ 21. *Кнутъ Гамсунъ.*—**Царица Савская.** Пер. Евг. Л
№ 22. *Октавъ Мирбо.*—**Война.** Перев. съ франц. С. .. Крит. очеркъ объ О. Мирбо Н. Я. Абрамовича.

№ 23. *Андр. Нѣмоевскій.*—**Прометей.** Пер. съ польск. Н. А. Соколова, съ критич. очеркомъ о Нѣмоевскомъ Н. Я. Абрамовича.

№ 24—25. Г. *Уэльсъ.*—**Черезъ 800.000 лѣтъ** (Машина времени). Перев. подъ ред. Ѳ. Благова.

№ 26—27. Г. *Уэльсъ.* **50 тысячъ лѣтъ назадъ.** Разск. изъ каменнаго вѣка. Переводъ подъ редакц. Ѳ. Благова.

№ 28—29—30. *Оскаръ Уайльдъ.*—**Портретъ Доріана Грея.** Приложеніе: статья Ю. Айхенвальда объ Оскарѣ Уайльдѣ.

№ 31. *Оскаръ Уайльдъ.*—**Сфинксъ безъ тайны.**

№ 32. *Ст. Пшибышевскій.*—**Тиртей.**

№ 34—35. *Гюи де-Мопассанъ.*—**Иветта.** Пер. А. Е. А.

№ 36—37. *Вильгельмъ Бельше.*—**Гибель міра.** Перев. Я. Д. Мацкевича.

№ 38. *Вильгельмъ Бельше.*—**Тайны южнаго полюса.** Пер. Я. Д. Мацкевича.

№ 39. *Вильгельмъ Бельше.*—**Религія нашего времени.** Пер. С. М. Черпковера.

№ 40. А. *Стриндбергъ.*—**Современныя басн. I. Кто сильнѣе. II. Самумъ.** Пер. Н. Хвойника.

№ 41. М. *Метерлинкъ.*—**О женщинахъ.** Переводъ Н. Хвойника.

ИМѢЮТСЯ НА СКЛАДѢ:

А. М. Ѳедоровъ. Собр. соч. Т. I. „Весенній вѣтеръ". Изд. Н. И. Клочкова. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. II. „Утро". Ц. 1 р. 25 к.
— Т. III. Судьба. Ром. Ц. р. 25 к.
— Т. IV. Мой путь. Ц. 1 р. 25 к.

Юмористическій Альманахъ издательства „Фавнъ".— *Аркадій, Аверченко, Петръ Потемкинъ, Аркадій Ирисовъ, Саша Черный, И. Гуревичъ, О. Л. д. 'Оръ, Фрицхенъ, Жакасъ, Теффи.* Ц. 80 к.

Павелъ Гейзе. Собр. соч. Т. I. Въ раю. Ром. Перев. подъ ред. *Гретманъ.* Съ предисл. *Ю. И. Айхенвальда.* Ц. 1 р. 25 к.

Поль Бурже. Собр. соч. Т. I. Женское сердце. Перев. подъ ред. *графа де-ла-Барта.* Ц. 1 р. 40 к.
— Т. II. Любовное преступленіе, Перев. подъ ред. *П. Когана.* Ц. 1 р. 25 к.

„606" и сифилисъ. Статьи *д-ра Блюменталя, д-ра А. Б. Качкачева, д-ра Р. I. Пастернака* и друг. Мнѣнія о „606" *И. И. Мечникова, Дуайена, проф. Заболотнаго* и др. Съ портретомъ проф. Эрлиха и д-ра Хата. Ц. 40 к.

I. А. Любичъ-Кошуровъ. „Рыцари земли". Пов. изъ эпохи крестьянск. войнъ. Ц. 40 к.

I. А. Любичъ-Кошуровъ и Г. А. Ісвенко. „Кто за дѣтей". Галлерея писат. для дѣтей. Съ портретами писат. и со статьей „Взглядъ на дѣтскую литературу" А. А. Ѳедорова-Давыдова. Ц. 60 к.

Сергѣй Городецкій. Ія. Статьи для дѣтей и рисунки сочинялъ и рисовалъ цѣлыхъ два года *Сергѣй Городецкій.* Ц. 75 к.

Цѣна 30 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Москва, книжн. маг. **„Сотрудникъ Провинціи“**, уг. Тверского бульв. и Мал. Бронной.
Петербургъ: Невскій, 55, кв. 14, кн. скл. „Земля“.
Вильна: Большая, 56.
Одесса: Софійская, 32, кв. 3, Бороховъ.
Кіевъ: Пушкинская, 11, Лапицкій.

Типографія РЕКОРДЪ. Б. Афанасьевскій 32.

